

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
Факультет Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств
Образовательная программа «Филология»

Тихонов Роман Александрович

**«Античные поэтические образцы и германская традиция в
среднелатинской поэме "Вальтарий"»
("Classical Poetic Models and the Germanic Tradition in the Medieval Latin
Poem *Waltharius*")**

Выпускная квалификационная работа - БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
по направлению подготовки 45.03.01 «Филология»
образовательная программа «Филология»

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Н. А. Бондарко

Санкт-Петербург, 2021

В настоящей работе исследуется присутствие следов германской традиции в среднелатинской поэме «Вальтарий» и влияние на неё античных поэтических образцов. Работа поделена на 5 глав (1. Сюжет и структура; 2. Персонажи; 3. Битвы и снаряжение; 4. Темы, мотивы, сцены; 5. Поэтический язык), в которых ключевые аспекты поэмы анализируются, с одной стороны, на фоне античной поэзии, с которой автор точно или с большой вероятностью был знаком («Энеиды», «Фарсалии», «Латинской Илиады», «Психомахии», «Фиваиды» и др.), и, с другой стороны, на фоне средневековой героической поэзии на германских языках, а также отчасти «Саги о Тидреке из Берна». Исследование показывает, что содержательная сторона поэмы и её общая структура преимущественно сохраняют черты германской героической песни, хотя мы можем говорить о влиянии античной поэзии на содержание отдельных сцен, черты образов персонажей и мотивы; тем временем, античные поэтические образцы сыграли решающую роль в определении формального облика поэмы, и лишь редкие места в тексте указывают на преемственность от германской поэтической традиции.

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Сюжет и структура	10
Глава 2. Персонажи	20
Глава 3. Битвы и снаряжение	46
Глава 4. Темы, мотивы, сцены	55
Глава 5. Поэтический язык	68
Заключение	78
Список использованной литературы	80

Введение

Поэма «Вальтарий» представляет собой интереснейший феномен средневековой литературы и особый случай синкретизма германской и римской культуры – воплощение древнегерманского¹ героического сказания в латиноязычной поэме из 1456 гекзаметров, форме, восходящей к античной эпической поэзии.

Установление авторства и датировка поэмы остаются предметом дискуссии. *Terminus ante quem* – последняя четверть 10-го века, которой датируется наиболее ранняя сохранившаяся рукопись поэмы, а языковые и метрические черты показывают, что поэма не могла быть написана раньше Каролингского возрождения². Согласно традиционной и наиболее распространённой теории, существующей с 19-го века, автором поэмы является Эккехард I, монах Санкт-галленского монастыря, который, как сообщает Эккехард IV, в юности сочинил т. н. «*vita Waltharii manu fortis*» – сочинение, которое сторонники этой теории и отождествляют с поэмой «Вальтарий». Против этого отождествления говорит прежде всего то обстоятельство, что Эккехард IV говорит о «жизнеописании» как о неумело написанной работе, язык которой испорчен обильным калькированием с немецкого, тогда как автор «Вальтария» демонстрирует высокое мастерство во владении латынью³. В середине 20-го века некоторые исследователи приписывали поэму Геральду, автору предшествующего «Вальтарию» в части рукописей пролога⁴, но это предположение не получило широкого признания в научном сообществе, поскольку метрический и языковой анализ пролога и поэмы выявляет существенные различия, а Геральд в прологе нигде и не

¹ [Klein 1988: 115] помещает сказание о Вальтере среди наиболее архаичных германских сказаний, передающих образ германской героической эпохи.

² [Önnerfors 1979: 9].

³ О теории авторства Эккехарда и аргументах против неё см. [Strecker 1951: 1], [Önnerfors 1979: 19–27]. Йоннерфорс в указанном месте также приводит само сообщение в оригинале и в немецком переводе.

⁴ Например, [Stach 1943]. Геральду также приписывают поэму [Грабарь-Пассек, Гаспаров 1970: 382]. Информацию о рукописях «Вальтария» см. в [Strecker 1951: 2–9].

называет автором поэмы себя самого⁵. Мы имеем, таким образом, дело с поэмой 9–10 века неизвестного автора, носителя древневерхненемецкого языка⁶. Здесь возникает вопрос об источнике, которым этот автор пользовался.

Хотя [Panzer 1948] высказывает предположение, что сам «Вальтарий» и является прото-поэмой (Urlied), послужившей источником для всех прочих текстов, упоминающих Вальтера Аквитанского и сказание о нём (среди них: древнеанглийский «Вальдере», скандинавская «Прядь о Вальтари и Хильдигунн» из «Саги о Тидреке из Берна», многочисленные упоминания в средневерхненемецкой поэзии, а также несколько хроник на латинском и польском языках)⁷, общим мнением в академическом сообществе остаётся, что автор имел немецкоязычный источник, однако какого рода – вопрос открытый⁸. [Strecker 1951: 20–22] предлагает обзор различных предположений. Поэма совершенно точно не является просто переводом германской песни: как демонстрирует уже [Strecker 1898], в «Вальтарии» обнаруживаются не только фразеологические параллели с Вергилием и Пруденцием, но и параллели мотивов, которые вряд ли могли иметь место в немецкой поэме-источнике⁹. Одним из наиболее убедительных вариантов

⁵ См. [Strecker 1951: 2], [Önnerfors 1979: 14–18], [Uecker 1972: 91].

⁶ См. [Strecker 1951: 2]: «als sicher kann nur gelten, daß der Dichter ein Deutscher war». Хотя некоторые исследователи ставили и это под сомнение: так, [Wilmotte 1918] считает, что в языке «Вальтария» обнаруживаются романизмы; это предположение позднее поддерживает [Önnerfors 1979: 47–53], что, однако, плохо увязывается с его собственной теорией о том, что автором был учитель Валафрида Страбона Гримальд [ibid.: 44ff], по происхождению франк [ibid.: 45]. Судя по тому, что Йоннерфорс противопоставляет понятия «франкский» и «германский», он, похоже, почему-то отождествляет франкский язык с французским, см. [ibid.: 44]: «ein Mann... der sowohl in sprachlicher wie in kultureller Hinsicht Fränkisches und Germanisches zu vereinigen wußte». Мы всё же, учитывая несомненное знакомство автора «Вальтария» с германской поэтической традицией, которое явствует из дальнейшего исследования, останавливаемся на том, что он был носителем одного из вариантов древневерхненемецкого языка. См. также [Strecker 1951: 19] о том, что предполагаемые германизмы и романизмы в «Вальтарии» встречаются также у других авторов того времени и являются общими чертами поздней латыни.

⁷ Собрание всех источников и упоминаний о Вальтере Аквитанском предлагает [Learned 1892].

⁸ [Uecker 1972: 91].

⁹ Остаётся вариант частичного перевода. [Neckel 1921: 219] утверждает, что в некоторых стихах «Вальтария» «чувствуется» германская длинная строка, но это крайне субъективно. Он отсылает для примера на 237f и 242f, но ничего необычного для латинской

представляется развиваемая в [Meyer 1899] идея о том, что автор, зная немецкий оригинал, меняет детали и мотивировку. Исходя из некоторых лингвопоэтических черт, обсуждаемых в настоящей работе, мы склоняемся к тому, что автор опирался на источник в поэтической форме, скорее всего, намного более краткий, чем его собственная поэма (см. обсуждение формы германских героических песен в первой главе), или же, по крайней мере, знал отдельные стихи. Этот источник, однако, он в значительной мере развил в плане содержания и радикально переработал в формальном плане – во многом опираясь при этом на античные поэтические образцы.

Уже [Grimm, Schmeller 1838: 65–67] в комментарии к изданию указывают на многочисленные языковые заимствования автором из Вергилия. В последующих научных работах и изданиях поэмы указывались многочисленные языковые параллели с произведениями иных римских поэтов: Пруденция, Лукана, Стация, Авзония и др. Огромное множество

гекзаметрической поэзии в них нет. Вероятно, внимание Неккеля привлекла аллитерация между «quid» и «quod» в 237f, в 242f - между *potis* и *nihilum* и *pes* и *nebulae*, но вряд ли в этом следует видеть что-то большее, чем случайное созвучие; кроме того, в германской поэзии аллитерация подчёркивается словарным силовым ударением на первом слоге, но в «Вальтарии» мы имеем дело с квантитативным стихосложением, и в обсуждаемых стихах «quod», как и первые слоги в «*nihilum*» и «*nebulae*», занимают краткие позиции. Германское правило четырёх подъёмов (*Hebung*) в длинной строке также никаким образом не может адекватно функционировать в условиях гекзаметра. О германском стихосложении вообще см. [von See 1967].

Кроме того, [Grimm, Schmeller 1838: 99–100] обращают внимание на ряд выражений, которые при переводе на древневерхненемецкий оказываются аллитерирующими, но признают, что это может быть лишь совпадение. [Schweitzer 1889: 50] добавляет примеров и уверенно утверждает, что за латинским текстом скрываются немецкие аллитерационные стихи. Мы затрудняемся вынести уверенное суждение об этом. С одной стороны, как явствует из некоторых обсуждаемых в последующих главах отрывках поэмы, автор действительно с большой вероятностью был знаком с источником именно в поэтической форме, и что часть стихов по случайности очень точно переводит древневерхненемецкий оригинал, представляется вполне возможным. С другой стороны, нет ничего удивительного в том, что в состоящей из почти 1500 гекзаметров поэме можно насчитать несколько (в этих двух работах указано всего около 10) случаев аллитерации между двумя-тремя словами в стихе при переводе на другой язык, отчего существенна вероятность, что мы имеем дело всего лишь с горсткой случайных созвучий. Кроме того, искать немецкое происхождение в некоторых из приводимых выражений не следует уже потому, что они восходят к античным образцам автора, ср. одно из приводимых Швайцером мест – «*lux Pannoniae*» (ст.378), за которым он видит «*licht Hunenlandes*», но которое, конечно, является адаптацией вергилиевского «*lux Dardaniae*» (Aen.2.281, приводит в издании Штрекер).

параллелей, в частности, приводит под аппаратом издание [Strecker 1951]. Совершенно несомненным является знакомство автора с поэзией Вергилия и Пруденция – на это указывают заимствования целых стихов у этих авторов дословно (например, см. ст. 296, 328, 695 и приводимые Штрекером параллели) или с небольшими изменениями (к примеру, ст. 528–529, 532). Это совершенно в духе времени: согласно [Гаспаров 1970: 238], именно эти два автора являлись главными образцами стиля для Каролингского возрождения. Что касается знакомства автора с другими античными поэтами, утверждать знакомство автора с ними с такой степенью уверенности уже нельзя, поскольку находимые языковые параллели оказываются менее значительными. К примеру, см. в Walth.279¹⁰ «...convivia laeta parabo» и предложенную Штрекером параллель у Ювенка «convivia laeta parasse» - пример, где мы вполне можем предполагать влияние, однако, конечно, должны учитывать, что в словосочетании «готовить весёлые пиры» нет ничего специфичного и что автор мог придумать его сам. Нередко влияние предполагается и на основе куда менее значимых сходств, как, к примеру, [Florio 2002: 100] проводит параллель между Walth.225¹¹ и Bell.Civ.9.503¹² только лишь на основании того, что оба стиха начинаются с «porrexitque». Также, к примеру, смотри [Önnerfors 1979: 34–36], где справедливо критикуются предложенные [Schieffer 1973] весьма спорные параллели с «Punica» Силия Италика – поэмой, незнакомой Средневековью¹³. Поиск языковых параллелей с античной поэзией в «Вальтарии» - дело бесконечное, и в настоящей работе мы смотрим в первую очередь на параллели мотивов, тем, топосов и т. д. и привлекаем возможные языковые параллели постольку, поскольку они имеют к ним отношение. Кроме того, мы во всех случаях учитываем историю рецепции приводимых нами для сопоставления античных трудов в Средние века, так как имеет смысл, разумеется, проводить параллели

¹⁰ Здесь и далее текст «Вальтария» цитируется по изданию [Strecker 1951].

¹¹ «Porrexitque viro, qui signans accipiebat».

¹² «porrexitque duci. squalebant pulvere fauces...».

¹³ Поэма была найдена лишь в 15-м веке, см. [Muecke 2010: 401].

только с теми текстами, которые автор по крайней мере с некоторой долей вероятности мог читать.

Что касается поиска в «Вальтарии» следов германской традиции, трудность составляет то обстоятельство, что непосредственно ту самую древневерхненемецкую эпическую традицию, к которой восходит «Вальтарий», отражает, быть может, одна только «Песнь о Хильдебранде». Более поздняя «Песнь о Нибелунгах», сохраняя древнюю эпическую основу, тем не менее, во многом испытала влияние культуры высокого Средневековья – творчества шпильманов, рыцарских романов, миннезангов [Хойслер 1960: 51, 125-126, 147, *passim*], а последующие образцы средневерхненемецкой героической поэзии вдобавок к этому подвержены также и влиянию самой «Песни о Нибелунгах» [Gibbs, Johnson 2000: 390]. Поэтому исследователю приходится обращаться к тому же и к родственным традициям – к древнеанглийской и к древнескандинавской, сохранившимся в большем объёме и наследующим многие архаичные черты древнегерманской устной поэзии¹⁴.

Задача настоящей работы – не только отделить унаследованные из германской традиции элементы от заимствованных из античных образцов, но и указать на особенности их взаимодействия, цели, для которых автор мог использовать черты той или другой традиции, и иногда возможные подтексты. Для этого мы проводим в пяти главах анализ наиболее важных аспектов поэмы, которые можно возвести к германской традиции или к античным образцам. В первой главе мы рассматриваем сюжет поэмы на фоне других вариантов сказания о Вальтере из германских источников, чтобы определить, что поэт наследует из традиции, а что добавляет сам и в какой мере на его нововведения могла повлиять античная поэзия, а также сопоставляем структуру «Вальтария», с одной стороны, со структурой античных эпических поэм, а с другой – со структурой древнейших поэм на германских языках и

¹⁴ Об архаичности эддической поэзии, в частности, см [Мелетинский 1968: 6ff].

реконструируемым первоначальным видом устной германской героической песни. Во второй главе мы анализируем центральных персонажей поэмы на фоне их аналогов в германской героической поэзии и «Саге о Тидреке», определяя, какие черты их образов унаследованы из германской традиции, а какие следует считать изобретением автора, и определяем, в какой мере прослеживается влияние на эти образы античных образцов. В третьей главе обсуждается зависимость боевых сцен и описываемого в поэме снаряжения героев от германской и античной поэтической традиции. Четвёртая глава посвящена темам, мотивам и сценам, в которых мы можем видеть или влияние античной литературы или наследие германской традиции. Наконец, в пятой главе¹⁵ мы выделяем примечательные черты поэтического языка «Вальтария», в которых наблюдается либо присутствие элементов античной поэзии и поэтики, либо специфические черты, обнаруживающие сходство с теми, что мы находим в германской поэзии.

Перед тем, как продолжить, нужно добавить замечание об именах персонажей, поскольку они много фигурируют в работе и могут запутать читателя. Имея в виду «Вальтария», мы сохраняем используемые в поэме латинизированные формы имён (Вальтарий, Гунтарий, Хаганон, Хильтигунда, Аттила), а говоря о других традициях, используем те, которые находим в них: нем. Вальтер, Гунтер, Хаген, Хильдегунда, Этцель; англ. Вальдере, Гудхере, Хагена, Хильдегюд; сканд. Вальтари, Гуннар, Хёгни, Хильдигунн, Атли/Аттила¹⁶. В тех же случаях, когда мы говорим об образах в «межтрадиционной» перспективе, мы используем «Аттила» для Аттилы, его исторически известное имя, а для остальных персонажей - немецкие варианты их имён, традиционно наиболее употребимые.

¹⁵ Следует уточнить, что в последних двух разделах мы, чтобы избежать повторений, не обращаемся к тем темам, мотивам, сценам и аспектам поэтического языка, которые были в полной мере обсуждены в первых трёх разделах в связи с другими элементами поэмы и не требуют дальнейших комментариев.

¹⁶ Так – в «Саге о Тидреке».

Глава 1. Сюжет и структура

Прежде всего обратимся к вопросу о том, что из себя представляет рассказываемая в «Вальтарии» история и что в ней характерно для античной эпической традиции, а что – для германской. Наиболее значимые черты реконструируемых германских героических песен на фоне греческого эпоса, послужившего основой для римского, обсуждает [Curtius 2013: 167–170]: 1. Германские песни состояли из 80–200 стихов; 2. Германские песни не были связаны с прославлением предков или рода¹⁷; 3. Германские песни не связывали повествование с цельной картиной истории; 4. Германские героические песни не были связаны с миром богов¹⁸. Действительно, главные эпосы на латинском языке, восходящие к греческой традиции, с которыми автор «Вальтария» точно или с большой степенью вероятности был знаком – «Энеида» (см. выше), «Фиваида»¹⁹, «Фарсалия»²⁰ – являются объёмными текстами из нескольких тысяч стихов, встроенными в чётко обозначенный историко-мифологический контекст, на который центральное действие этих поэм оказывает непосредственное влияние. «Вальтарий» здесь занимает промежуточное положение – будучи значительно длиннее, чем реконструируемые 200 и меньше стихов древнегерманской песни, он, однако, несопоставимо короче названных античных образцов, а его встроенность в историческую картину имеет несколько иной характер. Если в трёх приведённых эпосах, как и в «Латинской Илиаде»²¹, история, реальная или мифологическая, является предметом повествования, а «Психомахия», хотя и не связана с историей в строгом понимании, имеет своей темой важнейшую христианскую битву – битву за человеческую душу, то автор «Вальтария»

¹⁷ Курциус здесь ссылается на Хойслера, «Die altgermanische Dichtung».

¹⁸ Курциус здесь ссылается на Шнайдера, «Heldendichtung Geistlichendichtung, Ritterdichtung».

¹⁹ О значимости «Фиваиды» в средневековой культуре см. [Edwards 2015: 497].

²⁰ О популярности «Фарсалии» в Средние Века см. [Schmidt 2017: 65–66] с библиографией.

²¹ Которая, согласно [Desmond 2020: 438], широко читалась в средневековой школе с 9-го века и, следовательно, вполне могла быть знакома автору.

обозначает исторический фон (первые 95 стихов поэмы уделены завоеваниям гуннов), но только в качестве предыстории к основному сюжету поэмы, и дальнейшее повествование посвящено уже не масштабным событиям, а отдельным персонажам, поступки и взаимодействие которых не являются и не представляются автором как нечто грандиозное и глобально значимое. Автор «Вальтария» не заинтересован в воспевании предков или истории какого-либо народа (торжественном, как Вергилий, или скорбном, как Лукан и Стаций), однако он заигрывает с этой идеей, подражая своим античным образцам в исключительно стилистическом плане, см. пролог о гуннах (ст.1-10) с элементами панегирика, где автор выдумывает ради красивого слога тысячелетнее правление гуннов (ст.10) и их древние победы («antiqui triumphi» ст.11-12)²² и, похоже, даже заимствует для них идею о назначении Рима из «Энеиды» (параллель приводит Штрекер): «foedera supplicibus donans (populus) sternensque rebelles²³» (Walth.9) – «Parcere subiectis et debellare superbos²⁴» (Aen.6.853). Гунны, однако, являются для «Вальтария» не более чем фоном и инструментом завязки сюжета – и, судя по описанию их пьянств (290–323) и трусости (402–418), автор в действительности даже не слишком им симпатизирует, что доказывает, что торжественный пролог ничего кроме красивого слога как самоцели не преследует. Завоевания гуннов интересуют автора лишь постольку, поскольку они затрагивают центральных героев, и после ст.418 гунны полностью пропадают из действия поэмы. 4-я приведённая Курциусом характеристика германской героической песни также полностью применима к «Вальтария»: ни боги, ни Бог не играют никакой роли в

²² Тысячелетнее правление гуннов не только исторически недостоверно, но также нигде больше не упоминается у средневековых писателей, см. комментарий Альтхофа к стиху 10 (под комментарием Альтхофа здесь и далее подразумевается [Althof 1911]). Мы, конечно, имеем дело с сознательно используемой автором гиперболой, одним из хвалимых Макробием (Sat. 4.6.15) приёмов в поэзии Вергилия.

²³ «мир просящим дающий (народ) и сокрушающий восстающих». Перевод с латинского и других языков здесь и везде, где не указано иначе, выполнен автором работы.

²⁴ «Милость покорным являть и смирять войною надменных». Перевод С. А. Ошерова.

повествовании, что создаёт радикальный контраст с античными эпосами²⁵, зато сближает «Вальтария» с германской героической поэзией, особенно её наиболее архаичными образцами, такими как эддические песни о героях.

Античные эпические поэмы традиционно начинаются с введения центральной темы, см. Aen.1-7 о странствиях Энея и будущем Рима, Theb.1-40 о братоубийственной войне, Bell.Civ.1-97 о гражданской войне, также см. Psych.1-20 – о битве за человеческую душу, а II.Lat.1-8, как и греческий оригинал²⁶, обозначает своей темой гнев Ахилла. «Вальтарий» же, как мы показали выше, подражает этому приёму только формально, вводя торжественный пролог про гуннов, которые на самом деле играют в поэме лишь фоновую роль. В связи с этим возникает следующий вопрос: есть ли в «Вальтарии» вообще центральная тема, как в его античных образцах, или же мы имеем дело с повествованием как самоцелью, как, к примеру, в эддических песнях? Распространено суждение, что центральная тема «Вальтария» – алчность («avaritia»)²⁷, но, как кажется, против этого говорит уже то обстоятельство, что автор вовсе её не касается в прологе, традиционном месте для патетического введения центральной темы в эпосе, вместо этого занимая его бессмысленным панегириком гуннам. Тема осуждения алчности вообще не прослеживается в первой трети поэмы, вплоть до введения персонажа Гунтария (см. 2. «Гунтарий»), и, как справедливо и точно замечает [Ebeling-Koning 1977: 214], говоря о краже сокровища у гуннов самим Вальтарием, автор словно старается замаять этот эпизод, не касаясь мотивации этой кражи

²⁵ В то время как в действии «Фарсалии» боги также не участвуют, именно их отсутствие становится значимым и тематизируется. Ср. «Lucan is rejecting the Olympians. He seems possessed of a desire to show the reader how utterly obsolete and useless they are» [Ahl 1974: 566]. В случае «Вальтария», однако, несмотря на наличие сцен, показывающих праведность Вальтария (ст.564–566, ст.1160–1167), ни участие, ни безучастие Бога не играют роли в поэме.

²⁶ О том, что именно гнев Ахилла действительно является центральной темой «Илиады», см. [Latacz 2018: 9–14].

²⁷ [Brinkmann 1966: 148] называет её «die Grundidee des Epos», [Kroes 1955: 85]: «Als Ganzes wird das Epos nun zu einer Predigt gegen die Avaritia...». [Betz 1951: 470] называет поэта «der anti-avaritia Dichter». Но, с другой стороны, см. [Murdoch 2003: 93]: «the elevation of the condemnation of avarice to the status of the central theme is perhaps overdone.»

и сразу переходя к другим, менее значимым, деталям побега – вероятно, потому что кража сокровища была сюжетным элементом уже в германском источнике и автор не мог обойтись без неё, но в то же время не нашёл для неё убедительного оправдания. Если бы алчность в самом деле была центральной темой поэмы, автор едва ли бы решил замять разговор о приведшей ко всем дальнейшим бедствиям краже сокровищ подобным образом. Вывод, к которому нас подводит это рассуждение: «Вальтарий», несмотря на формальную стилизацию под античный эпос, всё ещё по содержанию и структуре остаётся германской героической песней, хотя и расширенной в объёме: в нём нет центральной темы, нет богов или Бога, нет воспевания предков или народа, его действие локально, сосредоточено на отдельных персонажах и не представляется автором как возвышенное и глобально значимое.

Расхождения в сказании в деталях бегства и преследования. [Learned 1892: 155] на основании сравнения разных вариантов сказания о Вальтере выделяет в нём 7 центральных элементов: 1. Пребывание при дворе чужестранного правителя, 2. Обручение с Хильдегундой, 3. Бегство, 4. Преследование, 5. Победа Вальтера над врагами, 6. Прибытие Вальтера и Хильдегунды домой, 7. Подвиги Вальтера после возвращения. В германской традиции²⁸ значимые расхождения встречаются в деталях бегства и преследования. В средневерхненемецкой литературе, где упоминается Вальтер²⁹, мы не находим указаний на похищение сокровищ при бегстве, о котором говорится в «Вальтарии», «Вальдере» и в «Саге о Тидреке». Тем не менее, присутствие этого сюжетного элемента как в латинской (немецкой), так и в древнеанглийской и скандинавской версии указывает на его

²⁸ Наша работа ограничивается именно германской традицией и не обращается к польским текстам о Вальтере.

²⁹ А именно: есть несколько упоминаний в «Песни о Нибелунгах», фрагментарно сохранившаяся поэма о Вальтере и Хильдегунде, «Битерольф и Дитлиб», «Смерть Альфарта», «Розенгартен», «Бегство Дитриха» («Dietrichs Flucht»), «Воронья битва». Все эти поэмы далее, за исключением «Песни о Нибелунгах», цитируются по [Learned 1892].

существование в древней традиции³⁰. Кажется допустимым предположить, что исчезновение похищенного сокровища из истории именно в средневерхненемецкой поэзии связано с развитием романтической стороны сказания и выходом на передний план бегства возлюбленных³¹. Приведённое выше замечание Эбелинг-Конинг также подводит к выводу, что сокровище в «Вальтарии» являлось элементом сюжета уже в источнике автора. Следующее расхождение: если в «Вальтарии» и «Вальдере» на Вальтера нападают Гунтарий/Гудхере и Хаганон/Хагена, то в средневерхненемецкой поэзии³² и в «Саге о Тидреке»³³ преследователями оказываются люди Этцеля/Аттилы, при этом в «Саге о Тидреке», несмотря на непричастность Гуннара к погоне за Вальтари, в ней всё равно участвует Хёгни, обычно в традиции фигурирующий с Гуннаром в паре³⁴. Также и в «Песни о Нибелунгах»

³⁰ Что касается «Вальдере», теоретически возможно влияние «Вальтария» на него, поскольку датировка обеих поэм крайне спорна и нельзя утверждать уверенно, какая возникла первой. Тезис о влиянии «Вальтария» на «Вальдере» развивает [Schwab 1979a] и [Schwab 1979b], говоря о важности в обеих поэмах роли Вальтария/Вальдере как христианского героя и о значимости идеи справедливой защиты. Мы не считаем, что эти параллели непременно должны указывать на взаимосвязь поэм: христианские мотивы распространены в древнеанглийской поэзии и вне «Вальдере», в том числе и в главном памятнике древнеанглийского эпоса – «Беовульф», а идея справедливой защиты может быть обусловлена в обеих поэмах самим сюжетным контекстом – защитой Вальдере/Вальтария от, по сути, грабежа. Составитель «Саги о Тидреке», в свою очередь, в прологе сам указывает свои источники: «fesse sagha er samansett epter søgn þyðskra manna, enn sumt af þeirra kuædum er skemta skal rikumm monnum...» (Fórmali, стр.2, здесь и далее по изданию Бертельсена) – «эта сага составлена по сообщениям немецких мужей, но кое-что по их песням, которыми развлекают могущественных людей». О влиянии «Вальтария» на традицию вообще см. [Хойслер 1960: 290]: «"Вальтарий" остался превосходным плодом, не давшим, однако, семян».

³¹ О значимости романтического элемента сказания о Вальтере и Хильдегунде в немецкой культуре этого периода свидетельствует отсылка к этим персонажам в миннезанге 48 (L.73 23) - по изданию [Paul, Leitzmann 1950] - Вальтера фон дер Фогельвейде. Об этом же говорит и то обстоятельство, что в сохранившихся фрагментах средневерхненемецкой поэмы о Вальтере и Хильдегунде присутствует сцена подготовки к свадьбе (Венский фрагмент, b, 2. – Hildegunde Brvte). [Heinzel 1889: 18] предполагает, кроме того, что в средневерхненемецкой поэме о Вальтере и Хильдегунде похищение сокровища было вырезано автором из соображений о приличии («aus Anstandrücksichten»).

³² Венский фрагмент, b, стр.12-13.

³³ Гл.243-244

³⁴ Как в скандинавской, так и в немецкой. См. эддические песни из цикла о Сигурде и убийстве нифлунгов; «Песнь о Нибелунгах»; «Битерольф и Дитлиб»; Венский фрагмент, b, 2. – Hildegunde Brvte, стр.19.

упоминается присутствие и отказ от сражения Хагена при битве Вальтера под Васкенштайном (стр.2344³⁵), хотя в тексте не сообщается, сражался Вальтер с гуннами или с бургундами. Поскольку битва с Гунтарием/Гудхере фигурирует в наиболее ранних дошедших до нас вариантах³⁶ и поскольку даже в других версиях в битве с Вальтером фигурирует Хаген/Хёгни, тесно связанный с Гунтером/Гуннараром в традиции, представляется разумным считать её как минимум одним из исконных вариантов, что приводит нас к выводу о том, что этот конфликт автор «Вальтария» также имел уже в своём источнике³⁷. То обстоятельство, что в его версии Гунтарий, во всех остальных случаях в германской традиции и в соответствии с историческим прототипом известный как бургунд, становится франком, рассматривается в разделе «Гунтарий» во второй главе.

Концовка поэмы, в которой все герои получают серьёзные увечья (Гунтарий теряет ногу, Вальтарий – правую руку, а Хаганон – глаз и несколько зубов), после чего примиряются, шутят и мирно расходятся, традиционно вызывает вопросы у исследователей, а её исконность ставится под сомнение, так как нигде больше в традиции об увечьях Гунтера и Вальтера не сообщается. Что касается одноглазого Хаганона, в «Саге о Тидреке из Берна» Хёгни также лишается глаза после того, как Вальтари кидает в него объединенный окорок (гл.244). [Kroes 1955: 83] предполагает, что на одноглазость Хагена указывается в 1734-й строфе «Песни о Нибелунгах»

³⁵ «Песнь о Нибелунгах» здесь и далее приводится по изданию Карла Барча.

³⁶ Предположительную хронологию см. у [Learned 1892: 1–2]. Хотя датировка и «Вальдере», и «Вальтария» остаётся спорной, обе поэмы в любом случае предшествуют всей средневерхненемецкой поэзии и «Саге о Тидреке».

³⁷ Возможно, столкновение с гуннами тоже присутствовало в немецком источнике «Вальтария», но было убрано автором - на это намекает необычное словоупотребление «sepelire» в ст.280: «Atque omni ingenio potu sepelire studebo» («И всеми силами постараюсь усыпить (гуннов) питьём»). «Sepelio» означает «похоронить», «убить», и хотя пассивное причастие «sepultus» используется в поэзии в смысле «заснувший», активная форма в значении «усыпить» не употребляется. О том, что изначальная версия сказания о Вальтере могла содержать и битву с бургундами, и битву с гуннами см. [Learned 1892: 177].

словами «vnd eislich sin gesihene» («и ужасен его вид/ужасно его лицо³⁸»). [Reichert 2007], в свою очередь, высказывает сомнение в том, что это описание следует приравнивать к одноглазости (см. его комментарий к этой строфе, а также к 88-й строфе («sin ovge er do wench / zvo den gesten lie» - букв. «тогда он повернул свой глаз к гостям»). В то время как мы скорее согласны с Райхертом в том, что эти выражения не являются достаточным основанием, чтобы представлять Хагена одноглазым в «Песни о Нибелунгах», представляется вероятным, что они могут осторожно отсылать к известной поэту «Песни» альтернативной традиции, в которой Хаген действительно был одноглазым и на основе которой составлены описываемые в «Саге о Тидреке» события. Высказывалось мнение, что источник «Вальтария» должен был иметь трагичную концовку, характерную для германского эпоса³⁹. Однако нужно учитывать следующее: в германской традиции Хаген/Хёгни и Гунтер/Гуннар всегда погибают в стране гуннов, и даже не углубляясь в историю развития сказания о гибели бургундов, мы можем говорить с уверенностью, что смерть Гунтера/Гуннара от рук гуннов является исконным вариантом, ведь именно так погиб его исторический прототип Гундахарий (см. комментарий Альтхофа к стиху 16 «Вальтария»). Смерть Вальтария в битве под Васкенштайном, хотя и не запрещается традицией настолько строго, также не упоминается ни в одном источнике, из-за чего тоже представляется маловероятной⁴⁰. Выходит, что все трое героев должны были выжить, а из увечий традицией лишь частично подкрепляется одноглазость Хаганона.

³⁸ Оба этих варианта, в теории, подходящих для идеи об одноглазости, могут служить переводом слова «gesihene», см. словарь средневерхненемецкого языка Lexer.

³⁹ О теории трагичной концовки и других вариантах см. библиографию в [Uecker 1972: 91–92].

⁴⁰ О невозможности трагического исхода в сказании о Вальтере см. также [Schwab 1988: 224]. По мнению Шваба, против смерти самого Вальтера говорит его статус справедливо защищающегося христианского воина, подчёркнутый как в «Вальдере», так и в «Вальтарии». Кроме того, [Murdoch 2003: 102], сопоставляя финал «Вальтария» с предположительно трагичной несохранившейся концовкой «Песни о Хильдебранде», замечает, что в трагичной ненужной смерти Хадубранда заложен политико-исторический смысл победы Теодориха, в то время как для трагичного окончания сказания о Вальтере нет никаких предпосылок.

Кажется справедливым предположить, что именно унаследованное из традиции увечье Хаганона⁴¹ подсказало автору идею закончить поэму изувечиванием всех героев, будь то ради демонстрации плачевных следствий алчности, которая, хотя и не является центральной темой, как мы определили, всё ещё, несомненно, интересуется автора (ср. 1404: «Sic sic armillas partiti sunt Avarenses!»⁴²), исключительно ради комической перебранки Вальтария и Хаганона (ст.1424-1442), ради того, чтобы и без того трагический герой Хаганон, столкнувшийся с конфликтом верности (см. вторую главу, «Хаганон»), не оказался по итогу единственным пострадавшим из них троих или ради всего сразу. Мы не находим оснований думать, что в этом решении на автора повлияла античная литература⁴³ – его решение, по-видимому, обосновано либо стремлением к комизму, которое он проявляет и в других местах в поэме, либо нравоучительными соображениями, ср. [Händl 2018: 129], где предполагается, что в «Вальтарии» автор в числе прочего хочет показать, что старый героический материал также может служить для выражения новых идей и идеалов.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что автор не отклоняется в значимой мере ни от структуры своего оригинала, ни от сюжета. Он, в самом деле, несколько уподобляет своё сочинение античным образцам, расширяя песнь до 1456 стихов и, пожалуй, также тем, что вводит алчность как одну из открыто обсуждаемых тем (но не центральную)⁴⁴, однако «Вальтарий» всё ещё

⁴¹ [Neckel 1921: 212] высказывает предположение, что в исконной версии сказания Хаген не вступает в битву и заканчивает её, закрыв собой Гунтера - как он закрывает его собой и в «Вальтарии», но уже в ходе битвы (ст.1369–1375). Быть может, именно так он и лишается глаза? «Sagenhaft» одноглазость Хаганона также считает [Strecker 1898: 362].

⁴² «Вот, вот как они поделили аварские браслеты!».

⁴³ [Strecker 1898: 362] считает, что потеря руки Вальтарием обусловлена эпизодом самоубийства Ярости после поломки меча в Prud.Psych.140ff, которому автор подражает при описании предшествующей потере руки поломки меча Вальтария (ст.1371-1380). Мы не видим оснований для этого предположения: поломка меча, которая также упоминается во фрагментах «Вальдере», видимо, присутствовала в сказании изначально (мы обсуждаем этот вопрос подробнее в 3-й главе), а руки у Пруденция Ярость и не лишается.

⁴⁴ Особенно в монологе Хаганона (ст.846-877), см. подробнее «Алчность» в 4-й главе. Как мы там утверждаем, общегерманский топос губительной алчности мог быть представлен и в немецком оригинале, однако эксплицитную тематизацию этой идеи, которую мы

преимущественно сохраняет черты германской героической песни, действие которой не связано с богами, с глобально значимыми событиями и прославлением предков или народа⁴⁵ - песни вроде тех, что мы находим в эддических песнях о героях. Также и в сюжете не происходит радикальных отклонений от оригинала: как мы доказали, те детали побега, которые меняются в разных версиях сказания, с большой вероятностью присутствовали в оригинале автора в том же виде, в каком мы находим их в «Вальтарии». Что же касается концовки, мы видим, что принципиально другой она быть не могла, поскольку ни один из троих центральных персонажей не может умереть в ходе этой схватки. Речь идёт скорее о переосмыслении и переработке деталей автором, чем о коренной перемене сюжета.

Стоит коснуться в этом разделе напоследок и вопроса о различных вариантах **устной традиции**. Некоторые места в «Вальтарии» позволяют предположить, что автор был знаком с несколькими существовавшими в устной традиции вариантами немецкой песни о Вальтере: Альтхофа (к ст.687-688) на эту мысль наводят два предлагаемых автором имени Кимона: «*filius... Kimo cognomine... // quem referunt quidam Scaramundum nomine dictum*»⁴⁶). [Ziolkowski 2001: 35], кроме того, видит ссылку на устную традицию в ст.77-78: «*...Alphere... // Quem sobolem sexus narrant habuisse virilis*»⁴⁷. Мы не исключаем полностью этого предположения, но следует учесть, что двойные имена и «ссылки на анонимный устный источник» встречаются у Вергилия, и мы можем здесь иметь дело с подражанием стилю «Энеиды», ср. двойное имя Аскания-Юла, особенно Aen.1.267-268: «*Ascanius, cui nunc cognomen Iulo // ad-*

особенно видим в монологе Хаганона и в приведённом выше стихе 1404, следует связывать уже с античной традицией.

⁴⁵ Автор отчасти подражает такому прославлению, но оно не играет значимой роли для поэмы в целом, см. «Гунтарий» во второй главе.

⁴⁶ «Сын... по прозвищу Кимон... о котором рассказывают некоторые, что по имени он звался Скарамунд».

⁴⁷ «Альфере... о котором рассказывают, что он имел потомство мужского пола».

ditur»⁴⁸ («Асканий, к которому теперь прибавляется когномен Юл») и 7.734-735: «Oebale, quem generasse Telon Sebethide nympha // fertur» («Ойбал, о котором сообщается, что его породил Телон от нимфы Себетиды»).

⁴⁸ «Энеида» цитируется по исправленным изданиям Loeb Classical Library 1938 (I-VI) и 1950 (VI-XII) гг.

Глава 2. Персонажи

Аттила. В комментарии к 11-му стиху Альтхоф указывает на двойственность образа Аттилы в «памяти немецкого народа» («dem Gedächtnisse des deutschen Volkes»): с одной стороны, Аттила воспринимался как «бич божий» («Gottesgeißel»), с другой – был известен справедливостью, щедростью и благожелательностью. Мы действительно видим черты этой двойственности в германской поэтической традиции. Могущество и богатство являются неотъемлемыми чертами его образа, ср: «Атли был великий властелин и могучий, мудрый и многодружинный» («Сага о Волсунгах», XXXV, перевод Б. И. Ярхо). В «Гренландской песни об Атли» (стр.3-5) Атли сулит богатейшие дары Гуннару и Хёгни, если они согласятся приехать к нему погостить. В «Песни о Нибелунгах» он «могучий король», «der chvnic richē» (стр.1145, 1154 и др.), у него самый роскошный пир, самые щедрые дары и больше всего воинов (стр.1367–1369). При этом в немецкой традиции акцент делается именно на светлой стороне личности Аттилы – он действительно щедр и миролюбив, в то время как скандинавский Атли в большей степени играет роль «Бича Божьего», обманом заманивая к себе Гуннара и Хёгни, чтобы с ними жестоко расправиться. И в той, и в другой традиции, кроме того, для Аттилы характерна личная мягкость и даже слабость – на фоне его могущества как правителя. В «Песни о Нибелунгах» Этцель пытается избежать провоцируемого как бургундами, так и Кримхильдой сражения, а когда оно начинается – вместе с Кримхильдой убегает и не участвует в нём лично (стр.1995), несмотря на то что бургунды убили его сына Ортлиба (1961). Кроме того, при принятии решений он зависим от мнения своих приближённых (стр.1143, 1149) и признаёт превосходство Зигфрида над собой (стр.1158). А так Гудрун характеризует Атли в «Гренландских речах Атли» (стр.101⁴⁹):

⁴⁹ «Старшая Эдда» цитируется здесь и далее по цифровому изданию TITUS на основе 5-го критического издания Неккеля.

«Komtaðu af því þingi, er vér þat frægim,
at þú soç sóttir né sleçpir aðra;
vildir á valt vægia, enn vætki halda,
kyrt um því láta.»⁵⁰

Сделав этот очерк образа в традиции, мы можем обратиться к Аттиле в «Вальтариин». Мы также видим отображение автором его могущества как правителя: поэма начинается (до стиха 95) с описания завоеваний гуннов под предводительством Аттилы, которому германские короли сдаются сразу и отдают заложников вместе с выплатами, не решаясь противостоять. Своими первыми словами в поэме Аттила проявляет себя как властный, но милосердный правитель (ст.68-71):

«Foedera plus cupio quam proelia mittere vulgo.

Pace quidem Huni malunt regnare, sed armis

Inviti feriunt, quos cernunt esse rebelles.

Rex ad nos veniens dextram det atque resumat⁵¹.»⁵²

Альтхоф, комментируя эти стихи и ссылаясь на Иордана, отмечает историческую достоверность создаваемого автором образа. Для нас же важнее отметить его соответствие образу Этцеля в немецкой эпической традиции – могущественного, но милосердного правителя. Тем временем, однако, сокровище, которое собирает Аттила из выплат подчинившихся королей, может уже роднить его со скандинавским Атти, желающим забрать сокровище

⁵⁰ «Знали мы: с тинга// когда б ты ни прибыл — // тяжбу ты вел, // но не видел удачи, // вечно несмелый, // вечно уступчивый, // молчал ты о том, // как тебя обижали». Перевод А. И. Корсуна

⁵¹ Штрекер предлагает в качестве параллели 7.263ff: «Ipse modo Aeneas... adveniat: pars mihi pacis erit dextram tetigisse tyranni» («Но пусть... // Эней... // Сам... придет...// Будет пожатие рук залогом мира меж нами.» - пер. С. А. Ошерова). Пожалуй, можно допустить, что автор сознательно делает аллюзию к говорящему эти слова миролюбивому царю Латину, усиливая тем самым положительный образ Аттилы в этом месте.

⁵² «Лучше союзы вершить, чем народы втягивать в битвы: // Мирно гунны хотят управлять, и оружием карают // Лишь неохотно, и тех лишь, в ком видят мятежников ярых. // Пусть придет ваш король и десницу мне вложит в десницу.» Перевод М. Е. Грабарь-Пассек.

нифлунгов⁵³. Далее продолжается положительное описание Аттилы: он заботливо воспитывает заложников Вальтария и Хаганона как собственных детей («*veluti proprios*», ст.98)⁵⁴. Его доброе отношение к ним автор называет «*pietas*» (ст.97, 146), центральным этическим понятием в «Энеиде»⁵⁵ и одной из главных черт Энея. Унаследованную из традиции идею о щедрости Аттилы мы можем видеть в его готовности одарить Вальтария домом и землёй так, чтобы он мог выбрать себе любую гуннскую невесту (ст.136-142), что, однако, он делает не столько по доброте, сколько из страха, что герой сбежит. Эту хитрость ему советует жена, но Аттила не может настоять на своём и сразу уступает в ответ на выдуманную Вальтарием отговорку (ст.146-168). Здесь вполне можно усматривать мягкость нибелунговского Этцеля и скандинавского Атли; кроме того, как и Этцель, Аттила оказывается более пассивным на фоне жены. Далее в «Вальтарии» слабость Аттилы изображается всё ярче: если Вальтарий и Хаганон в конце поэмы, тяжело изувечив друг друга, начинают обмениваться шутками (1424ff), Аттила испытывает потребность поделиться своим страданием, пожаловавшись на похмелье (ст.363-364): «*Waltharium dolendo // Advocat, ut proprium quereretur forte dolorem*⁵⁶» («Вальтария, мучаясь, // призывает, чтобы, может, оплакать своё страдание»). Наконец, после бегства Вальтария он впадает в дидоновское безумие: не может уснуть, бродит по городу (ст.390-399). Штрекер приводит

⁵³ На эту параллель указывает [Neckel 1921: 215].

⁵⁴ Что превосходно сочетается с его именем, означающим в переводе с готского «папочка» (см. комментарий Альтхофа к стиху 11). Теоретически, автор, будучи носителем древневерхненемецкого языка, мог видеть сходство между «*Attila*» и древневерхненемецким **attilo* (слово не засвидетельствовано, но мы можем его реконструировать, используя двн. «*atto*» (отец) и диминутивный суффикс «*-ilo*»). О гот. «*atta*», двн. «*atto*» и других однокоренных словах см. [Lorenz 1851: 80], об использовании диминутивов в древневерхненемецком – [Sonderegger 2003: 342]. Альтхоф (комментарий к стиху 96) видит в действиях Аттилы поведение германского вождя. Быть может, именно его автор и называет *pietas*.

⁵⁵ «...the Aeneid—the poem that sets *pietas* at the heart of an entire value system...» [Conte 2007: 156]

⁵⁶ Быть может, автор здесь создаёт дополнительный иронический эффект, отсылая на Aen.1.385-386: «*nec plura querentem // passa Venus medio sic interfata dolore est*» (букв. «не терпя больше сетующего, Венера так прервала его посреди страдания»), где Эней оплакивает свою судьбу.

две весьма значимые параллели с 4-й книгой «Энеиды»: «*nec placidam membris potuit dare cura quietem*»⁵⁷ (Walth.390) – «...*nec placidam membris dat cura quietem*.⁵⁸» (Aen.4.5) и «*Nec iuvat hoc, demum surgens discurrit in urbe*⁵⁹» (Walth.397) – «*Uritur infelix Dido totaque vagatur Urbe furens*⁶⁰» (Aen.4.68f). Мы бы добавили к этому ещё несколько сходств: указание на неспособность закрыть глаза: «*verum non limina clausit*» (Walth.392) – «*oculisve aut pectore noctem // accipit*» (Aen.529-530); указание на безумие Аттилы («*amens*», ст.396) – безумие Дидоны («*demens*», 4.78, 4.374, 4.469 и «*furens*», 4.65, 4.69, 4.283, 4.298, 4.465, 4.548), сравнение со смертью от раны: «*et veluti iaculo pectus*⁶¹ *transfixus acuto // Palpitat atque caput huc et mox iactitat illuc*»⁶² (Walth.394-395) – «*vagatur //... qualis coniecta cerva sagitta*»⁶³ (Aen.4.68-69). Говоря о ранах, кажется уместным, кроме того, провести параллель между Walth.395 и Aen.9.744-755, где описывается жестокая гибель Пандара от рук Турна: «*atque illi partibus aequis // huc caput atque illuc umero ex utroque rependit*»⁶⁴. Добавим к этому ещё несомненную параллель к Walth.391 («*Namque ubi nox rebus iam dempserat atra colores...*⁶⁵»), которую приводит Штрекер, - Aen.6.272: «*rebus nox abstulit atra colorem*», где Вергилий сопоставляет вход в подземное царство с ночным блужданием в лесу. Вся эта сцена – превосходный пример случая, когда автор определённо не просто использует удобные выражения, которые вспомнил из античной поэзии, но придаёт эпизоду дополнительные смыслы и

⁵⁷ «И не смогла забота дать членам спокойного сна». Sic. По контексту можно было бы предположить, что «сига» - аблатив (*sigā*), и это Аттила не может дать членам сна из-за заботы, что звучало бы несколько естественнее, но в этом стихе метрически возможна только «сига» с краткой «а».

⁵⁸ «И не даёт забота членам спокойного сна».

⁵⁹ «Не помогает это; наконец, поднявшись, он бежит по городу».

⁶⁰ «Жжет Дидону огонь, по всему иступленная бродит // Городу». Перевод С. А. Ошерова.

⁶¹ Удачная возможность обратить внимание на использование автором т. н. греческого аккузатива, подчёркивающее его превосходное владение латинским поэтическим языком, вряд ли имеющее какое-либо отношение к неудачному переводу с германскими кальками, о котором говорит Эккехард IV.

⁶² «И он, словно пронзённый острым копьём в грудь, дрожит и бросает голову то туда, то сюда».

⁶³ «бродит //... словно стрелой уязвленная дикая серна». Перевод С. А. Ошерова.

⁶⁴ «и у него равными половинами голова повисла туда и сюда от каждого плеча».

⁶⁵ «Ведь когда тёмная ночь уже похитила у вещей цвет».

дополнительную эмоциональную нагрузку, делая аллюзии к значимым эпизодам в «Энеиде». Изображение душевной слабости и страданий мягкого характером в соответствии с германской традицией Аттилы становится ещё ярче через параллели со страданиями безумствующей Дидоны и через аллюзии к эпизодам «Энеиды», связанным со смертью.

Последнее появление Аттилы в поэме также связано с его личностным бессилием. Щедрый в соответствии с традицией, он обещает тому, кто вернёт Вальтарию, одеть его в золото, нагрузить землёй и засыпать его путь богатствами (ст.405-407)⁶⁶ – красноречивое обещание, имеющее многократно отмеченную параллель⁶⁷ в скандинавской литературе, в «Песни о Хлёде» («Песни о битве готов с гуннами»), интегрированной в 11-ю главу «Саги о Хервёре и Хейдрекке»⁶⁸, где схожую награду сулит готский конунг Ангантюр: «Mun ek um þik sitjanda // silfri mæla, // en ganganda þik // gulli steypa, // svát á vega alla // velti baugar; // þriðjung Godþjóðar, // því skaltu einn ráða.» («Я тебя сидящего измерю серебром и тебя идущего покрою золотом так, что по всем дорогам покатаются кольца; треть готской земли — вот чем ты будешь править один»). [Kroes 1955: 78], по-видимому, подразумевая существование древневерхненемецкого аналога этой песни⁶⁹, предполагает, что сочинитель немецкой песни о Вальтере знал «Песню о Хлёде» и заимствовал стихи оттуда. [Neckel 1921: 218], в свою очередь, отмечает, что эта фантастически щедрая награда выглядит уместнее, исходя из уст легендарно богатого Аттилы, чем в речи Ангантюра, однако высказывается также о том, что материал «Песни о Хлёде» кажется древнее сказания о Вальтере и приходит к выводу о

⁶⁶ «Hunc ego mox auro vestirem saepe recocto // Et tellure quidem stantem hinc inde onerarem // Atque viam penitus clauissem vivo (si vivo – Штрекер, прим. 1) talentis» - «Я бы его тогда одел многократно переплавленным золотом // И ещё обременил бы его, стоящего, со всех сторон землёй // и покрыл бы ему путь, - если буду жив, - богатствами».

⁶⁷ См. [Grimm 1838: 80], [Neckel 1921: 216], [Kroes 1955: 78]. Дополнительную библиографию приводит Штрекер в примечании к стиху.

⁶⁸ Текст приводится по изданию [Turville-Petre 2014: 57].

⁶⁹ Согласно [de Vries 1999: 73], скандинавский вариант песни основан на южногерманском, в свою очередь, восходящему к готскому оригиналу.

взаимовлиянии. Так или иначе, мы также признаём эту параллель и видим в стихах 405–407 след германского поэтического языка, возможно, действительно связанный конкретно с «Песнью о Хлёде», а может, являющийся в силу случая плохо засвидетельствованной древней формулой, вариант которой существовал как в древневерхненемецком, так и в древнескандинавском поэтическом языке⁷⁰ и в каком-либо виде был известен автору «Вальтария». Несмотря на это щедрое и с исследовательской точки зрения крайне интересное предложение, Аттила не может добиться своего от слуг и просто покидает действие поэмы, ср. уже приведённое выше замечание Гудрун о неудачах Атти на тинге и, кроме того, аналогичную ситуацию в «Песни о Нибелунгах», стр. 202б:

«ine gesach ni helde / so zaegelichen stan
da man horte bieten / also hohen solt
ia ne sol in ecel / darvmbe nimmer werden holt»⁷¹

Мы можем говорить, таким образом, что автор «Вальтария» в полной мере сохраняет унаследованный из германской традиции образ Аттилы, при этом выражая его и усиливая с помощью аллюзий к «Энеиде» - в первую очередь к безумию Дидоны, но также в начале поэмы к царю Латину.

Вальтарий. Вальтарий в поэме – сильнейший герой. Он побеждает в поединке нескольких франков подряд, потом побеждает в битве сразу с четырьмя противниками (ст. 981–1061) и в конце долго противостоит один нападающим вместе Гунтарию и Хаганону, единственному противнику, которого он опасается (ст. 570-571). Его необычайная сила, которой он

⁷⁰ Лексические параллели и параллели мотивов между разными древнегерманскими поэтическими традициями встречаются нередко. Например, см. [Magoun 1955] о теме зверей битвы в древнеанглийской поэзии и композиты, связанные с этой же темой в эддической поэзии, такие как «hrafns hrælundir» («Речи Сигдривы», стр.1) – «мертвечинное мясо орла». Также см. [Kail 1878: 32–37] о параллелях между древнеанглийской, древневерхненемецкой и древненижненемецкой поэзией.

⁷¹ «Я никогда не видел, чтобы герои стояли так трусливо, когда слышно, как предлагают столь высокую награду. Да уж, из-за этого Этцель никогда больше не будет к ним благорасположен.»

превосходит остальных героев, имеет параллели в германской поэзии. Обратимся к «Битерольфу и Дитлибу», ст.7655-59, где Рюдегер говорит Хильдебранду: «wær iu Walthêr alsô wol bekant // als mir ist der küene degen, // ir hæet mich nimmer im gewegen // ze einem widerstrîten»⁷² - очень схожие слова говорит в «Вальтарии» Хаганон Гунтарию (520-522): «Si totiens tu Waltharium pugnasse videres // Atque nova totiens, quotiens ego, caede furentem, // Numquam tam facile spoliandum forte putares»⁷³, также в 620: «Ignotus tibi Waltharius et maxima virtus»⁷⁴. В «Битерольфе и Дитлибе» мы, кроме того, находим указание, в частности, на угрозу, которую представляет Вальтер в пешей схватке (10120–10129): «daz dâ den tôt niht ennam // der marcgrâve hêre, // des wundert mich vil sêre. // ouch kom im ze heile daz, // daz ûf dem rosse gesaz // der marchgrâve rîche... // hæet er den niderwanc getân, // sô kunde er nimmer sîn genesen»⁷⁵. Это можно сопоставить с тем, как в «Вальтарии» автор акцентирует внимание на слезающем для схватки с лошади Хадаварте и высказанной ему за это Вальтарием похвале (ст. 785–789) и с тем, что последнюю, самую напряжённую битву, Вальтарий, Гунтарий и Хаганон ведут пешком, на что также автор отдельно указывает (1280-1282⁷⁶). В «Большом Розенгартене» Вальтарий назван одним из храбрейших героев и правителей на Рейне (ст. 33; 236; 410) и, кроме того, в обеих версиях поэмы оказывается единственным непобеждённым защитником Вормса⁷⁷. В «Вальтарии» помимо личной силы героя также подчёркиваются его предводительские способности. В ст.170–214 показывается, как он приводит

⁷² «Был бы Вальтер вам так же хорошо знаком, как мне знаком этот храбрый герой, вы бы никогда не отправили меня на бой с ним».

⁷³ «Если бы так много раз ты видел, как Вальтарий сражается, и столько же много раз, сколько я, видел его свирепствующим в новой резне, никогда бы ты, пожалуй, не подумал, что его можно так просто ограбить».

⁷⁴ «Неизвестен тебе Вальтарий и высшая сила»

⁷⁵ «Что тогда смерть не принял гордый маркграф, очень меня удивляет. Помогло ему также, что на коне сидел маркграф могучий... если бы он спрыгнул, никак бы он не спасся».

⁷⁶ Кроме того, в комментарии к 1282 Альтхоф указывает на значимость пешей битвы в средневековой германской культуре.

⁷⁷ см. [Heinzle 1999: 176–177].

армию к победе, перед битвой произнеся речь и после неё увенчавшись лавром. Лавр, конечно, является заимствованным из античности элементом⁷⁸, а изображение героя-полководца можно связывать как с античными представлениями о героях, которые всегда являются царями и предводителями войск - даже аллегорические пороки и добродетели в «Психомахии», так и с германскими, где мы также находим восхваление доблести предводителя (см. например «Битву при Мэлдоне», «Битву при Финнсбурге» и 4-ю авантюру «Песни о Нибелунгах»), хотя легендарные древние герои обычно действуют в одиночестве – как Беовульф или персонажи эддических песен о героях. Тем временем, в другом месте политизированное указание на предводительскую доблесть Вальтария уже более явно выдаёт античное влияние на его образ – Вальтарий назван в поэме «*imperii columna*» (ст. 126, 376) и «*lux Pannoniae*» (ст.378) – во всех этих случаях в контексте, где говорится, что без него власти Аттилы не устоять. Для ст. 378 Штрекер приводит в качестве параллели «*lux Dardaniae*» в Aen.2.281, где речь идёт о Гекторе; к «*imperii columna*» же ищет параллели [Önnefors 1992: 634], указывая на «*imperii columen*» в античной прозе и метафорическое употребление «*columna*» в Библии, но кажется также разумным предположить связь с «Латинской Илиадой», где в ст.529⁷⁹ Гектор назван «*patriae columen*».

Заслуживает внимания ещё одна характеристика Вальтария, встречающаяся несколько раз в поэме – «*sapiens*» (240, 580, 1135). В «Энеиде», наиболее широко используемом автором источнике заимствований, это прилагательное не встречается вообще. Один возможный путь – искать источник в пост-вергилианском эпосе, и так и поступает [Curtius 2013: 203-205], рассматривая развитие в поздней античности концепта идеального героя, сочетающего в себе силу и мудрость (топос «*fortitudo et sapientia*»), который также применялся и в комментариях к «Энеиде», и приводя Хаганона и

⁷⁸ Ср., к примеру, как Эней также увенчивает себя в Aen.7.135-136.

⁷⁹ По [Kennedy 1998]

Вальтария как идеальные образцы, поскольку оба (ст.103-105) превзошли всех сильных силой и мудрых - умом. Другая возможность – предположить германское происхождение этой характеристики, ведь мудрость является распространённой чертой германских героев, см. о Беовульфе⁸⁰: «frod» - «мудрый» (2212), «wishycgende» - «мудромыслящий» (2717) – а также о других персонажах поэмы, среди них: о Вихстане (3122) и Хродгаре (1402), о Хильдебранде в «Песни о Хильдебранде»⁸¹: «ferahes frotoꝝ» - «мудрее душой» (8), о Сёрли в «Речах Хамдира»: «svinna hafði hann hyggio» (9) – «мудр он был разумом» и др. Примечательно, однако, что при всём этом мы нигде не находим в германской традиции указаний на мудрость Вальтера, в то время как она занимает особое место именно в образе Хагена (см. далее в этой главе «Хаганон»). Наиболее разумным в этой связи кажется предположение, что автор, имея при этом в виду топос «fortitudo et sapientia», распространяет на Вальтария унаследованную из традиции мудрость Хаганона, чтобы показать выдающуюся равную доблесть их обоих. Насколько важно для поэмы приблизительное равенство двух героев, демонстрирует [Flatt 2016].

От германского героя, однако, Вальтария (как и Хаганона) отличает его миролюбие и стремление избежать боя. Для германских героев обычно характерна воинственность и любовь к сражению, ср. трагичную воинственность Хадубранда в «Песни о Хильдебранде» и там же описание Хильдебранда (ст. 27): «imo was eo fehta ti leor» («ему всегда была битва на радость»), попытки Зигфрида добиться без причины битвы с бургундами в 3-й аванюре, гибельное решение Бюрхтнота в «Битве при Мэлдоне» позволить викингам перейти брод и сразиться вместо того, чтобы удерживать их на острове и заставить уплыть⁸². Воинственное рвение не чуждо в традиции и Вальтеру: см. слова Хильдегюд в «Вальдере» (I.18⁸³): «ac ðu symle furðor

⁸⁰ «Беовульф» цитируется по 4-му цифровому изданию [Kiernan, Iacob 2015].

⁸¹ По изданию [Schlosser 1970]

⁸² См. об этом месте подробнее [Боура 2002: 163].

⁸³ По [Norman 1949].

feohtan sohtest»⁸⁴ и далее, а также первое появление Вальтера в «Битерольфе и Дитлибе» (ст.615–656), где он, возвращаясь от гуннов, вступает в духе «Песни о Хильдебранде» в сражение со своим дядей Битерольфом. Вальтарий, в свою очередь, пытается откупиться от людей Гунтария, хотя и говорит прямо, что не считает справедливыми его посягательства (ст.605-613), и не вступает в бой до тех пор, пока ему не приходится защищаться (ст.672). После он пытается отговорить от сражения Патаврида (ст.880-885), а в конце – Хаганона (ст.1239–1263). Правда, откупиться пытается также и охарактеризованный Хильдегюд как чрезмерно воинственный Вальдере, причём помимо сокровищ он предлагает отдать ещё и меч (I.28), что выглядит ужасным парадоксом, если только мы не примем развиваемую [Schwab 1979: 248] идею о том, что в «Вальдере» битва идёт не из-за сокровища, а из-за Хильдегюд, вероятно, связанной родством с Гудхере или его потерянной возлюбленной⁸⁵. Тогда мы можем думать о предложении Вальдере как о выкупе за похищенную невесту. Вальтария же его стремление к миру связывает, пожалуй, с Энеем, желание которого избежать войны отмечает [Curtius 2013: 202]. Мы можем усмотреть и другие черты Вальтария, в которых он оказывается подобен этому герою. Курциус (ibid.) отмечает, что главные моральные достоинства Энея – *iustitia* и *pietas*. Тема справедливости действительно занимает значительное место в «Вальтарии» и неоднократно проговаривается (см. [Schwab 1979: 242] – в противопоставлении несправедливым действиям Гунтария (см. выше)⁸⁶. Добавим, что Вальтарий, в самом деле, не только справедливо защищается, но и в некотором роде становится вершителем правосудия: он произносит речь о справедливости во время обоих диалогов с Камалоном, в ст.702-704 он приговаривает самого себя в случае, если будет доказано, что это он развязал

⁸⁴ «Но ты всегда чрезмерно стремился сражаться».

⁸⁵ Шваб отталкивается от слова «unmægas» (недостойные родичи) в II.23 и от предположения, что, как и Хильтигунда в «Вальтарии», Хильдегюд является бургундкой. Гудхере в «Вальдере» определён бургунд (II.14).

⁸⁶ См. также главу 1 о том, как поэт пытается замаять факт и мотивы кражи сокровищ Вальтарием – также, вероятно, исходя из представления о Вальтарии как справедливым герое.

вражду, в ст.752 он, отрубая голову Веринхарду, как бы выносит моральное осуждение, насмехаясь над его прежней хвастливостью, причём автор, по видимому, держал в голове Aen.10.599-600⁸⁷, где в схожей ситуации говорит Эней (параллель приводит Штрекер). Не идея ли о Вальтарии как вершителе правосудия побудила автора заставить его отрубить головы и без того умирающим противникам⁸⁸? Кроме того, возможно, именно этой идеей можно объяснить, что Патаврид почему-то обращается в ст.886 к Вальтарии словом «tyranne»⁸⁹? Это кажется вероятным. Идею о pietas, правда, христианской, как главной черте Вальтария развивает [Katscher 1973], и, действительно, в этом отношении он также может быть сопоставлен с Энеем – особенно на мысль о параллели с Энеем наводит молитва Вальтария с обнажённым мечом (ст. 1160–1167) – параллель в Aen.12.175 приводит Штрекер. Как и Эней, вовсе не желавший сражений Вальтарий в пылу битвы отдаётся гневу⁹⁰, ср.934: («magis atque magis irarum mole gravatus»⁹¹) и в других местах, но особенно гнев Вальтария важен в последней битве (1377): «indigne tulit ac nimia furit efferus

⁸⁷ Walth: «Talia non dudum iactabas dicta per auras», Aen: «haud talia dudum // dicta dabas»

⁸⁸ См. подробнее главу 3.

⁸⁹ Это действительно весьма странное место. «Tyranus» (см. словари «FriezeDennisonVergil», «LewisShort» «Gaffiot 2016», «LaNe») означает либо «царь», либо «жестокий царь» - ни то ни другое к Вальтарии не подходит. «Lexicon Totius Latinitatis» Форчеллини также не предлагает других значений. Возможно, Thesaurus Linguae Latinae или Mittellatenisches Wörterbuch могли бы предложить какое-нибудь специфическое позднеантичное или средневековое употребление, но ни тот ни другой словарь ещё не составлены до «t». Исключая вариант, что проявляющий в остальном превосходное владение латынью поэт просто использовал неправильное слово, мы сталкиваемся с необходимостью искать этому объяснение. Предложенное нами кажется достаточно разумным. Можно также предположить, что автор подчёркивает заблуждение желающего заполучить похвалу Гунтария (ст.871) юноши, ведь в действительности среди всех присутствующих на роль «tyranni» подходит только Гунтарий. «Тираном» Вальтария также называет Гунтарий в ст.1082, прося помощи у Хаганона – здесь мы, вероятно, имеем дело с манипулятивностью Гунтария (см. далее «Гунтарий»).

⁹⁰ Гнев Энея важен для его серии убийств в 10-й книге и для финала «Энеиды». См. об этом подробнее [Farron 1977].

⁹¹ «всё больше и больше отягчённый грузом гнева»

ira»⁹² - значительный для поэмы момент, ведь через четыре стиха герой теряет руку⁹³.

Следует обсудить ещё молодость героя в традиции. Вальтарий вводится в поэму (ст.79) характеристикой «*primaevo flore nitens*», «сияющий первым расцветом» и многократно в ходе поэмы называется «*iuuenis*» («*iuuenis*» как существительное): ст. 498, 548, 1191 и т.д.; в ст.594 также «*adolescens*», Помимо Вальтария существительным «*iuuenis*» один раз обозначается Патаврид, племянник Хаганона (ст. 881)⁹⁴, больше – никто. Также и в других местах автор часто подчёркивает юность Вальтария, например (839): «*Alpharides⁹⁵ fretus pedibus viridique iuventa...*» («Альфарида, положившись на ноги и цветущую молодость...»). Важно при этом заметить, что Вальтарий должен быть, во-первых, приблизительно ровесником Хаганона, поскольку, оказавшись при дворе Аттилы, они оба были «*pueri*» (ст.97) и «*adolescentes*» (ст.100) – однако в основном действии о молодости Хаганона уже нигде не говорится - и, во-вторых, старше Гунтария, ведь последний был младенцем (ст.29–30) в то же время, когда Вальтарий «сиял первым расцветом». Поэт нигде не указывает, сколько именно лет Вальтарий провёл у гуннов, но за этот срок младенец Гунтарий успел стать самостоятельно правящим монархом. Если Гунтарию есть хотя бы лет шестнадцать, а ведь о его юности в основном действии поэмы, как и в случае Хаганона, не говорится ничего, Вальтарию должно быть по меньшей мере около двадцати пяти. Либо поэт просто запутался, либо в столь часто подчёркиваемой им и плохо сочетающейся с остальными деталями поэмы юности Вальтария есть что-то значимое. С одной стороны, восхваление юности - распространённый античный топос, много встречающийся в том числе и в «Энеиде» (к примеру, 2.348ff), а Вальтарий –

⁹² «Вознегодовал и чересчур свирепствует, дикий от гнева»

⁹³ Поэт предвосхищает его в 1319–1320 и, кроме того, делает в этой сцене аллюзию к Ярости в «Психомохии», см. также главу 1, «Концовка» и подробнее главу 3.

⁹⁴ Что в случае Патаврида является развитием вергилианской темы гибели юноши-цветка, см. 4.«Месть».

⁹⁵ Удобная возможность указать на использование автором греческого патронимического суффикса, безусловно, служащему стилизации под античный эпос.

симпатичный автору герой, которого тот восхваляет и многими другими способами на протяжении поэмы⁹⁶. С другой стороны, автор мог унаследовать идею об юности героя из традиции, не сумев, однако, адекватно встроить её в свою поэму: на юность Вальтария многократно указывается в «Битерольфе и Дитлибе», где он недавно возвратился от гуннов, см.: «der junge held» (581), «Walthêr der junge» (635), «der **kindische** man» (676), «der junge man» (10116) и т.д., в «Смерти Альфарта» он один из двух «die zwêne ritter junge»⁹⁷ (434, 448). В «Саге о Тидреке» (гл.241) говорится, что Вальтари было двенадцать лет, когда он попал к гуннам, и лишь девятнадцать, когда он сбежал⁹⁸.

Итак, автор, по-видимому, наследует из традиции идею об удивительной юности Вальтария и его крайне высоких боевых способностях, почти что непобедимости, но при этом также придаёт ему добродетели, которых мы не находим в текстах о Вальтере на германских языках и которые, как мы показали, имеют корни в античной литературе: подобно Энею, Вальтарий воплощает идею справедливости и pietas (но уже в средневековой трактовке) и старается избежать ненужного конфликта, а будучи главной опорой власти Аттилы, он уподоблен главной опоре Трои - Гектору, что доказывается фразеологическими параллелями. Sapientia Вальтария, в свою очередь, отражает позднеантичный героический идеал, но автор, похоже, наделил ей Вальтария в том числе для того, чтобы сделать его ни в чём не уступающим Хаганону.

Гунтарий. [Betz 1951] посвящает свою статью двойственности образа Гунтария в поэме. Он перечисляет многочисленные примеры негативных характеристик персонажа («demens», «superbus», «tremens» и т. д.) и несколько позитивных («heros», «potens», «vester honor», «inclite princeps»), приходя таким образом к выводу, что положительное восприятие Гунтария восходит к

⁹⁶ К примеру, в ст.426-427 автор хвалит Вальтария за воздержание.

⁹⁷ «Двое молодых рыцарей».

⁹⁸ К «Вальтарию» мы это, конечно, применить не можем, ведь тогда Гунтарию в основном действии должно быть около десяти лет.

германской традиции, в то время как негативные черты следует понимать как изобретение автора, которого Бэтц воспринимает как «anti-avaritia Dichter». Проблема этой статьи в том, что она совершенно не учитывает, что все перечисленные положительные характеристики вложены в уста подчинённых Гунтария: «heros» и «potens» его называет Камалон, убеждающий Вальтария добровольно отдать королю всё, что у него есть, а слова «vester honor» и «inclite principes» произносит бесконечно преданный королю Хаганон⁹⁹, трагичная преданность которого является одним из главных мотивов поэмы. Тем временем, всеми названными отрицательными характеристиками (в первую очередь – «superbus», характеристика, которую автор вводит в первой же сцене, в которой Гунтарий фигурирует (ст. 468) и повторяет многократно в дальнейшем, см. ст. 628, 720, 1295 и др.) его описывает сам поэт, исходя из чего мы видим, что в понимании автора «Вальтария»¹⁰⁰ Гунтарий – полностью отрицательный персонаж. В статье Бэтца, однако, мы находим крайне удачным само указание на двойственность, но эту двойственность мы видим не в «Вальтарии», а в самой германской традиции. Алчность и гордыня как характеристики Гунтария являются не изобретением автора «Вальтария», но встречаются также в «Вальдере» и в песнях «Старшей Эдды». В I.25-26 Хильдегюд говорит Вальдере: «...ðu þiðhere scealt beot¹⁰¹ forþizan» («... ты должен смирить похвальбу Гудхере»). В I.28-29 она говорит также о том, что Гудхере отказался от предложенных колец и меча, что, по аналогии с ситуацией в «Вальтарии», можно толковать как его желание забрать всё, а не только предложенное¹⁰². В «Краткой песни о Сигурде» Гуннар уговаривает

⁹⁹ Аналогично можно было бы в «Фарсалии» (5.682–699) воспринимать прославляющие слова солдат о Цезаре как заложенную автором характеристику персонажа, что, конечно, было бы неверно. Мы выбрали именно эту аналогию не случайно, она понадобится нам дальше.

¹⁰⁰ Альтхоф обращает особенное внимание на отрицательные характеристики Гунтария как воина, см. его комментарий к стиху 1424.

¹⁰¹ Другой вариант чтения (приведён в издании Нормана в сноске) – «bælc forþizan» («смирить гордыню»), ещё лучше подходит к нашему тезису.

¹⁰² Альтернативный вариант толкования – Гудхере хочет заполучить Хильдегюд и не заинтересован в предлагаемых взамен сокровищах [Schwab 1979a: 243].

Хёгни убить Сигурда ради сокровищ¹⁰³; кроме того, также и страх потерять Брюнхильд он переводит в материальную сферу (стр.15): «*fyrr skal es míno fíorvi láta, // enn þeirar meyjar meiddom túna*»¹⁰⁴. В стр. 6–7 «Гренландской песни об Атли» он хвастается своим обширным состоянием, в «Первой песни о Гудрун» Гудрун, осуждая убийство Сигурда, подчёркивает факт похищения сокровища (стр.21): «*mana þú, Gunnarr, gullz um nióta...*»¹⁰⁵. Героические качества Гуннара/Гунтера в традиции принижены как в скандинавской, так и в немецкой версии сказания его неспособностью самостоятельно добиться Брюнхильд/Брюнхильды и необходимостью прибегать к обману и помощи Сигурда/Зигфрида. Вероятно, это же представление о несамостоятельности Гудхере выражается в словах Вальдере (II, 15–16): «*Нрæt, ðu huru pendest, pine Burgenda, // þæt me Hazenan hand hilde zefremede...*»¹⁰⁶. Эти негативные характеристики, однако, как в северной, так и в немецкой версии сказания о гибели бургундов сглаживаются бесстрашием и боевыми способностями, которые Гуннар/Гунтер проявляет, отправляясь к гуннам и сражаясь с ними.

Автор «Вальтария», однако, взяв этот традиционный образ, лишает его всего героического потенциала и развивает только заложенные в традиции отрицательные стороны: гордыню, алчность, несамостоятельность и коварство – и добавляет новые. Во-первых - безумие (см. *demens*, ст. 954, 1248), во-вторых – безжалостность в роли правителя. Однако, чтобы говорить о последнем, нужно прежде обсудить франкское происхождения Гунтария. «Вальтарий» - единственный случай, в котором этот персонаж оказывается королём франков, тогда как в «Вальдере» и во всей средневерхненемецкой поэзии мы знаем его как короля бургундов, что соответствует историческому

¹⁰³ «*Villdu ocr fylki til fiár véla? // gott er at ráða Rínar málmi // oc unandi auði stýra...*», стр.16 («Хочешь обмануть вождя ради собственности? // хорошо владеть рейнским металлом // и, наслаждаясь, править богатством...»).

¹⁰⁴ «*скорее готов я // с жизнью расстаться, // чем этой жены // потерю сокровища!*» - перевод А. И. Корсуна.

¹⁰⁵ «*Гуннар, не впрок // пойдет тебе золото...*» перевод А. И. Корсуна.

¹⁰⁶ «*Вот, ты, конечно, думал, друг бургундов, что рука Хагены меня в битве одолела*»

прототипу (см. комментарий Альтхофа к стиху 16). Альтхоф (комм. к стиху 14) предполагает, что династия бургундских королей могла восприниматься после присоединения Бургундии франками как родоначальная для франкского королевского рода, однако можно предположить вдобавок, что автор «Вальтария» вкладывает дополнительные смыслы во франкское происхождение Гунтария. Даже если отождествление древних бургундов с франками действительно происходило, мы видим, что в поэме они явно различаются: бургундкой в поэме оказывается Хильтигунда, и никаких намёков на родство с Гунтарием не делается¹⁰⁷. Для автора, похоже, в образе Гунтария важно именно его положение предка будущих, более могущественных, франкских королей, ведь в ст.1083 он применяет к нему титул «caput orbis» («глава мира»)¹⁰⁸, едва ли подходящий для германского короля времён Атилы, но, несомненно, отсылающий к будущей власти франкских королей¹⁰⁹, ведь этот титул применяется по отношению к Карлу Великому в каролингском эпосе «Карл Великий и папа Лев» («Karolus Magnus et Leo papa»)¹¹⁰. Но здесь важно обратить внимание и на значимый античный образец употребления этого титула: мы находим его дважды в «Фарсалии» Лукана - по отношению к Помпею (9.123-124¹¹¹: «dic ubi sit, germane, parens; stat summa caputque orbis...?»¹¹²) и, что более важно для нашего дальнейшего тезиса, к Цезарю (5.682–686):

«quo te, dure, tulit uirtus temeraria, Caesar... ||

¹⁰⁷ При том, что, как вполне аргументированно утверждает [Schwab 1979: 248] и как уже упоминалось выше, Хильдегюд может являться бургундкой и родственницей Гудхере в древнеанглийском «Вальдере».

¹⁰⁸ Правда, эти слова говорит о себе сам «demens» и «superbus» Гунтарий, но уже их резко анахронистическое появление в поэме значимо.

¹⁰⁹ По всей видимости, образцом для такого рода отсылок на «будущую» историю послужили примеры из «Энеиды», см. в особенности конец 6-й книги и изображение будущей римской истории на вооружении Энея в конце 8-й книги.

¹¹⁰ На эту параллель указывает Штрекер.

¹¹¹ «Фарсалия» здесь и далее цитируется по цифровому изданию monumenta.ch.

¹¹² «Брат мой, скажи, где отец: цела ли глава и вершина // Мира...?» - перевод Л. Е. Остроумова.

cum tot in hac anima populorum uita salusque

pendeat et **tantus caput hoc sibi fecerit orbis...**»¹¹³

Об использовании слова «caput» в отношении людей в античной литературе см. [Seewald 2008: 84], комментарий к приведённым выше стихам 9.123–124. Что касается конкретно выражения «caput orbis», приведённые примеры из Лукана больше всего похожи на наше место в «Вальтарии», обычно же оно применялось в отношении самого Рима (см. в прозе Liv. 1.16, 21.30; в поэзии – Ov.Met. 15.435, Ov.Am.1.15.26). Чуть более схожий с нашим пример употребления также есть у Овидия¹¹⁴, см. Ov. Tr. 3.5.46: «Caesareum caput... quod caput orbis erat»¹¹⁵, но всё же здесь, строго говоря, главой мира назван не человек, а голова человека, тогда как примеры из «Фарсалии» подходят в полной мере.

Мы допускаем, что автор «Вальтария» делает Гунтария королём франков, добавляя ему этим значимости «в исторической перспективе», в значительной мере потому, что он держит в голове лукановского Цезаря. Между этими двумя персонажами действительно можно провести крайне значимые параллели. К Цезарю применяются схожие характеристики: «celsus» (гордый), 1.245; «superbus», 2.508; «demens», 2.575, «numquam patiens pacis» («никогда не терпящий мира»), 2.650; «perfidus» (бесчестный), 9.1061. О его действиях часто говорится как о преступлениях, безумии – см. 7.551: «hic furor, hic rabies, hic sunt tua crimina, Caesar.»¹¹⁶, 9.1047: «huncine tu, Caesar, scelerato Marte petisti...?»¹¹⁷» - схожим образом и в «Вальтарии» подчёркивается

¹¹³ «Цезарь жестокий, куда увлекла тебя дерзкая доблесть? // Если от жизни твоей зависит народов спасенье, // Существование их, если мир тебя сделал главою...» - перевод Л. Е. Остроумова.

¹¹⁴ Хотя в 9-10м вв. Овидий не был так распространён в средневековой школе как Гораций или Вергилий, самые образованные люди того времени могли быть с ним хотя бы селективно знакомы: например, его читал Теодульф, см. [Nexter 2001: 419].

¹¹⁵ «Цезареву главу... которая была главой мира». Цитируется по изданию Loeb Classical Library 1939 года.

¹¹⁶ «Здесь твоя ярость, твой гнев, твои преступления, Цезарь!» - перевод Л. Е. Остроумова

¹¹⁷ «Не на него ли ты, Цезарь, шёл преступным Марсом?»

неправомерность действий Гунтария (ст.659). Оба регулярно прибегают к манипуляциям, добиваясь своего: ср. впечатляющее успокоение Цезарем мятежных солдат хитрой речью в 5.318-370 и лицемерное оплакивание Помпея в 9.1035ff и ср. как Гунтарий побуждает оставшихся воинов на битву лестью и апелляцией к мести в ст. 944-953, а также как он уговаривает Хаганона в ст.1075-1088, апеллируя к вассальной верности, унижению его как «*caput orbis*», плачевной судьбе Франкии и мести – а ведь, как мы помним, весь конфликт сводится к безумному желанию ограбить Вальтария. Гунтарий строит свою манипуляцию на торжественной нотке: он молит Хаганона ради богов («*ob superos*», 1075), хотя вообще он везде в поэме предстаёт как христианин¹¹⁸, называет себя «*caput orbis*», а желчную обиду и сарказм Хаганона – обычно означающим разные экстатические состояния словом «*furore*»¹¹⁹ (ст.1075). Несмотря на то, что гнев Хаганона был изначально вызван оскорбительным обвинением в трусости (см. 628–639), Гунтарий и здесь встраивает намёк на трусость в свою манипуляцию (ст.1079–1080): «*Nonne pudet sociis tot cognatisque peremptis // Dissimulare virum?*»¹²⁰.

И для Гунтария и для Цезаря, кроме того, характерна резко выраженная властность, см.1.125 о Цезаре: «*neque quemquam iam ferre potest Caesaris priorem...*»¹²¹, также 2.655–660, а в «Вальтарии» особенно в ст.466–470 очевидно подразумеваемое противопоставление между словами Хаганона «*Congaudete mihi quaeso, quia talia novi...*»¹²² и реакцией Гунтария: «*Congaudete mihi iubeo, quia talia vixi!*»¹²³.

¹¹⁸ Например, ср. 471–472: «*Gazam, quam Gibicho regi transmisit eoo, // Nunc mihi cunctipotens huc in mea regna remisit.*» («Сокровище, которое Гибикон послал восточному королю, ныне мне всемогущий вернул сюда, в мои владения»)

¹¹⁹ Далее, в «Хаганон», это место обсуждается подробнее.

¹²⁰ «Разве не стыдно, когда погибло столько соратников и родичей, вести себя не как мужчина?» NB: родственник у Хаганона в действительности от рук Вальтария погиб только один – племянник Патаврид.

¹²¹ «И не может уже Цезарь вынести, чтобы кто-то был главнее»

¹²² «Радуйтесь вместе со мной, прошу, ведь я такое узнал...»

¹²³ «Радуйтесь вместе со мной, повелеваю, ведь я до такого дожил!»

Оба относятся с безразличием к отправляемым ими на смерть воинам: о Цезаре это говорится на протяжении всей поэмы, см., например, 4.162-167: «*ite sine ullo // ordine... // excipiant recto fugientes pectore ferrum*»¹²⁴; также и Гунтарий неоднократно побуждает своих людей идти в бой, несмотря на увещевания и предупреждения Хаганона, особенно красноречиво его безжалостность выражена в ст.755 («*iubet ad mortem properare vicissim*»¹²⁵). Хаганон после гибели всех остальных замечает (ст.1107–1108): «... *conspicio te plus doluisse pudore // quam caedis...*»¹²⁶, хотя сам Хаганон и не вкладывает в эти слова осуждения. С этой же безжалостностью следует связать мрачную иронию относительно смерти (см. помимо приведённого выше ст.755 в главе 4 «Мрачная ирония...»), столь характерную для «Фарсалии» и прослеживаемую в некоторых местах в «Вальтарии», причём связанную во всех случаях с безжалостностью Гунтария. Примечателен контраст: сохраняющий героические черты Гудхере выходит на поединок с Вальдере (см. фрагмент II), тогда как Гунтарий сначала отправляет нескольких вассалов на смерть по одному, а потом единственный сбегает после нападения на Вальтария вчетвером, не вступив в бой сам, – и лишь в конце он принимает участие в сражении, но только в паре с Хаганоном.

Помимо сходств с Цезарем, в отношении образа Гунтария следует обратить внимание на предложенную Штрекером параллель для Walth.1063–1064 («*aufugiens (Guntharius) studio falerati terga caballi // scandit*»¹²⁷) в «*phaleratum... equum*» в Psych.195f., на котором ездит Гордыня. Хотя в стихах совпадает только прилагательное «*phaleratus*» и даже для лошади используются разные слова, мы всё же можем предполагать аллюзию, поскольку в античной поэзии словосочетание «*phaleratus equus*» мы находим только в этом месте у Пруденция, несмотря на то что в прозе оно встречается

¹²⁴ «Идите без какого-либо построения... пусть бегущие примут железо с прямой грудью»

¹²⁵ «Вновь велит спешить к смерти»

¹²⁶ «... как я вижу, тебя больше позор угнетает, // чем соратников гибель...» - перевод М.Е. Грабарь-Пассек.

¹²⁷ «убегающий (Гунтарий) взобрался на спину украшенного металлом коня»

чаще¹²⁸. И то обстоятельство, что автор «Вальтария» постоянно в разных местах в поэме подчёркивает гордыню Гунтария, также говорит в пользу аллюзии к Гордыне в этом месте.

Мы видим, таким образом, что образ Гунтария во многом соответствует германскому традиционному образу этого персонажа - коварного, алчного, несамостоятельного, гордого. Автор лишь развивает этот образ, убрав в нём героические черты и добавив безумие, а также наделив его правительскими пороками – беспощадностью, несправедливостью, манипулятивностью - воспользовавшись для этого в качестве образца лукановским Цезарем. Для подчёркивания его гордыни, которая и без того упоминается многократно, автор, похоже, намеренно делает аллюзию к Гордыне в «Психомахии».

Хаганон. В германской традиции есть две версии о социальном положении этого героя: если в скандинавской литературе он брат Гуннара, то в «Песни о Нибелунгах» и остальной средневерхненемецкой героической поэзии мы его знаем как вассала Гунтера. «Вальтарий» примыкает ко второму варианту, хотя, как отмечает Альтхоф в комментарии к стиху 27 (ссылаясь на Гримма), то обстоятельство, что его отдают в заложники наряду с детьми королей, указывает, что он занимает близкое социальное положение. Мы могли бы, кроме того, «*nobilis*» в стихе 27 понимать как указание на знатное происхождение, но это не обязательно, тем более что в «Энеиде», главном образце поэмы в языковом плане, слово в этом значении не используется. Примечательное указание на троянское происхождение в стихе 28 также не обязательно говорит само по себе о высоком социальном статусе (см. больше в главе 4, «Троянское происхождение»).

Далее в поэме автор нигде не касается предполагаемого знатного происхождения Хаганона и делает акцент именно на его подчинённой по отношению к Гунтарию роли, на которой завязывается одна из центральных

¹²⁸ Например, Suet. Cal. 19.2, Liv. 44.14.2.

тем поэмы, имеющая выраженно германский оттенок – конфликт верности, который мы также находим в «Песни о Нибелунгах» (авентюра 37) и который основан на германских темах полной покорности вождю¹²⁹ и священности клятв¹³⁰. Идею о полной покорности автор выражает в следующем месте: Гунтарий игнорирует многочисленные уговоры Хаганона не нападать на Вальтария¹³¹ и в конце концов оскорбляет его (ст.628–631), а когда Хаганон злится, причём справедливо («iuste»), автор комментирует это, по-видимому, с ироничной интонацией, словами: «si tamen in dominum licitum est irascier ullum» (633) – «если, по крайней мере, кому-либо можно злиться на господина».

В сказании о гибели бургундов Хёгни/Хаген оказывается предупреждающей об опасности фигурой как в северной, там и в немецкой традиции – эту роль берёт на себя и Хаганон, многократно пытающийся отговорить Гунтария от сражений с Вальтарием (ст.478-479, 519–529, 574–580)¹³². Он делает последнюю попытку, пересказывая Гунтарию приснившийся ему накануне сон¹³³ (ст.621-627), в котором медведь отрывает Гунтарию ногу и вырывает Хаганону глаз с несколькими зубами – сон, который, конечно, оказывается аллегорическим предсказанием ст. 1360–1395. Мистический элемент также может быть усмотрен в фигуре Хагена в «Песни

¹²⁹ См. комментарий Альтхофа к ст.1109 со ссылками на Тацита и «Беовульфа». Мы бы хотели ещё особенно указать на «Битву при Мэлдоне», где верность предводителю и готовность пасть вместе с ним становятся центральной темой.

¹³⁰ Важность клятв в германской культуре хорошо иллюстрируют связанные с убийством Сигурда эддические песни, в которых также фигурирует Хёгни: см. апелляцию Гуннара к якобы нарушенным Сигурдом клятвам в «Отрывке песни о Сигурде» (стр.2) и там же (стр.18) противопоставление между сдержавшим клятву Сигурдом и нарушившим её Гуннаром. В стр.21 «Первой песни о Гудрун» Гудрун предсказывает Гуннару гибель из-за нарушенных клятв. В «Краткой песне о Сигурде» Хёгни призывает Гуннара не нарушать клятвы (стр.17), поэтому они решают подтолкнуть на убийство Готторма, который клятв не давал.

¹³¹ Аналогично, в «Песни о Нибелунгах» Гунтер не прислушивается к совету Хагена не ехать к гуннам (стр.1460).

¹³² [Neckel 1921: 213–214] указывает на предупреждающую роль Хёгни/Хагена и дополнительно углубляется в вопрос о его роли в разных версиях сказания о Сигурде/Зигфриде.

¹³³ См. подробнее 4.«Вещий сон»

о Нибелунгах», где он не только рационально оценивает опасность, когда бургунды получают приглашение Этцеля (стр.1458–1461), но и узнаёт от никс («wisiv wip», «merewib») пророчество о грозящей гибели (стр.1539–1542). Хёгни в «Гренландской песни об Атли», разгадав послание Гудрун, также делает своего рода предсказание (стр.8): «hár fann es heiðingia ríðit í hring rauðom: ylfscr er vegr ossarr, at ríða ørindi»¹³⁴. В «Песни о Нибелунгах» Хаген демонстрирует удивительную проницательность ещё в другом месте, сразу узнав приехавшего в Вормс Зигфрида, хотя он не видел его никогда раньше. Кроме того, Хаген может рассказать о его прежних мифологических подвигах (стр.86 и далее) – схожим образом, Хаганон сразу узнаёт Вальтария по весьма общему описанию перевозчика (ст.449–463). В средневерхненемецкой поэме о Вальтере и Хильдегунде Хаген знает об обговорённой родителями Вальтера и Хильдегунды помолвке, о которой они не знают сами (Грацский фрагмент, страница 1, столбец 2, строфа 1): «ich stunt da man ivch mæhlt beide, iz ist mir allez wol erkant»¹³⁵. Кроме того, совет Хагена представляется очень значимым для Гунтера (Венский фрагмент, b, 2, стр.19): «...wold ich gerne sin // ze siner hohzitē wær ez dʳ Hagne rat»¹³⁶ - что свидетельствует о его мудрости. Всё это можно также связать с тем, что в «Вальтарии» именно Хаганон придумывает, как выманить Вальтария на открытое пространство (ст.1116–1125). Возможно, традиционную хитрость Хаганона автор подчёркивает и сам, вставляя в его изложение плана засады заимствование из 2-й книги «Энеиды», где идёт речь о троянском коне, ср. Walth.1119 «Nos abiisse ratus»¹³⁷ - Aen.2.25 «Nos abiisse rati»¹³⁸. Вспомним здесь, что в «Песни о Нибелунгах» также именно Хаген придумал хитрую схему, которая позволила узнать уязвимое место Зигфрида (стр.874-875).

¹³⁴ «Волос вплетен был// волчий в кольцо — // по волчьей тропе // придется нам ехать!». Перевод А. И. Корсуна.

¹³⁵ «Я стоял рядом, когда вас двоих женили, мне это всё хорошо известно»

¹³⁶ «Я бы с радостью побывал на его свадьбе, если это посоветует Хаген»

¹³⁷ «Подумав, что мы ушли»

¹³⁸ «Мы подумали, что они ушли.». Параллель приводит Штрекер.

Говоря об увечьях, [Grimm 1854: 360] отмечает, что они встречаются как у героев, так и у богов, и указывает среди прочего на одноглазых Хаганона и Одина. Мы рискнём, опираясь на это сделанное мимоходом замечание, пойти чуть дальше. [de Vries 1970: 82] указывает на взаимосвязь в сказаниях между потерей глаза, как в случае Одина, или зрения вообще и представлением о пророческой силе («innere Sehkraft»)¹³⁹. Поскольку, как мы указывали в первом разделе, одноглазость Хагена также известна в других источниках и в некоторых может быть предположена, представляется вероятным, что между одноглазостью Хагена и его дающих о себе знать также и в «Вальтарии» мистической проницательностью и хитростью есть на древнем уровне связь и что «Вальтарий» её наследует, хотя Хаганон и демонстрирует эту проницательность ещё до потери глаза.

Что касается роли античной культуры в образе Хаганона, [Flatt 2016: 475], по нашему мнению, абсолютно справедливо указывает на сходство между отказом сражаться оскорблённого правителем Хаганона и гневом Ахилла – среди возможных текстов-посредников он, помимо «Латинской Илиады», также указывает на якобы сочинённый Диктисом Критским «Дневник Троянской войны» и «Историю» Дарета Фригийского. Предположение Флатта о влиянии темы гнева Ахилла, пожалуй, можно подтвердить тремя местами в «Вальтарии». Во-первых, когда Гунтарий просит прощения и пытается убедить Хаганона помочь ему, он называет его обиду «furog» (1075) - словом, означающим в нормальном употреблении различные экстатические состояния: безумие, свирепость, любовную страсть и т. д.¹⁴⁰. Что поэт попросту забыл значение слова, представляется крайне маловероятным: он уместно применяет его к суицидальной храбрости Патаврида в ст.875, также см. «furit» в ст.196 о боевом пыле Вальтария, ст. 943

¹³⁹ Примечательно здесь также, что [Weber 1963: 52–53] усматривает в Хагене из «Нибелунгов» демоническую натуру, ср. «Derselbe Hagen, dem nichts Dämonisches fremd bleibt...»

¹⁴⁰ Отсылаем к «FriezeDennisonVergil» и «LewisShort».

о безумии Гунтария и т. д. Для обиженного Хаганона, который ограничивается сарказмом, это слово подходит очень плохо. Возможным вариантом объяснения этого необычного словоупотребления кажется как раз представление о гневе Ахилла, которое могло повлиять на автора – см. в «Латинской Илиаде» ст.74-77, где, как и в греческом оригинале, разъярённый Ахилл намеревается убить Агамемнона, хотя фразеологических параллелей мы и не находим. Во-вторых, как и отсутствие Ахилла, отказ от сражений Хаганона становится роковым для его соратников, и, быть может, автор хочет подчеркнуть это, перечисляя воинов Гунтария и делая замечание о его отсутствии в ст.1011, относящемся к сцене, в которой погибают вместе все оставшиеся вассалы короля: «Absque Haganone locum rex supplevit duodenum»¹⁴¹. В-третьих, схожим образом с гибелью Патрокла в случае Ахилла, одной из причин «отречения от гнева» Хаганона становится гибель его племянника Патаврида: в ст.1264–1279 он указывает именно на неё как на причину, по которой примирение с Вальтарием невозможно (см. также 4.«Месть»).

Итак, из германской традиции автор «Вальтария» унаследовал немецкую версию подчинённости Хагена Гунтеру и вместе с ней унаследовал также и связанный с ней конфликт верности, основанный на германских темах покорности вождю и священности клятв. Для подчёркивания серьёзности этого конфликта поэт, похоже, обращается к «Латинской Илиаде» и теме гнева Ахилла как к образцу. Кроме того, в «Вальтарии» Хаганон сохраняет свою традиционную роль мистически проницательного предупредителя и советника-хитреца.

Хильтигунда. Многократно отмечалось несходство Хильтигунды с её древнеанглийским аналогом и вообще германскими героическими женскими персонажами. Так, [Neckel 1921: 142–143; 215] указывает на контраст между, с одной стороны, покорной Хильтигундой в «Вальтарии» и, с другой стороны,

¹⁴¹ «И без Хаганона двенадцатое место занял король».

воинственной Хильдегюд в «Вальдере» и Хильдегундой в «Битерольфе», спаивающей гуннов вместо Вальтера, и доказывает её подчинённую роль в латинской поэме, утверждая, что корни этого образа следует искать скорее в позднеантичной христианской культуре, чем в языческой античности. [Kroes 1951: 85] говорит о ней как о «scheue Jungfrau» и указывает на то, что в сцене побега она не едет с Вальтарием на одном коне и уговаривает его бежать от битвы, когда нападают Гунтарий с Хаганом. [Beckmann 2010: 92ff] указывает, кроме того, на контраст, который существует между созданной поэтом христианской Хильтигундой и её собственным именем, составленным из двух корней со значением «битва», и развивает, кроме того, идею о том, что основой сказания о Вальтере на самом деле является убийство Аттилы его последней женой Ильдикой. Со всеми приведёнными указаниями на изменение образа Хильтигунды мы не можем не согласиться. Что касается отождествления Хильтигунды с валькирией Хильдой (как, к примеру, в [Krappe 1923: 77]), мы не видим для него достаточных оснований¹⁴², а если даже на некоторой очень древней стадии развития сказания связь здесь и присутствует, для нашего исследования она нерелевантна, так как едва ли имела место уже в источнике автора – как она не имеет места ни в одном сохранившемся упоминании об Хильдегунде в других текстах. Мы категорически не согласны со [Schwab 1979a: 245], предполагающим, что боевое поведение Хильдегюд в «Вальдере» должно быть объяснено лишь тем фактом, что её жизнь стоит под угрозой, ведь в «Вальтарии» ситуация та же, но, в отличие от Хильдегюд, Хильтигунда, увидев приближающихся воинов, в панике падает на землю и просит Вальтария её убить (ст.544–547). Возможно, однако, что и в этом поступке отчасти прослеживается германский этос, наследуемый из немецкого источника: Хильтигунда предпочитает скорее умереть, чем испытать позор¹⁴³. Но также это можно объяснить христианским

¹⁴² Также [Uecker 1972: 92] отвергает это отождествление.

¹⁴³ Здесь нельзя не привести знаменитую 77-ю строфу «Речей Высокого»: «... deyr síalfr it sama; // es veit einn, at aldri deyr: // dómr um dauðan hvern.» - «... Умрёшь ты сам; я знаю одно, что никогда не умрёт: суждение о каждом умершем».

презрением к язычникам-гуннам. Вполне вероятно, что мы имеем дело с синтезом германского этоса с христианской идеей: Хильтигунда не хочет пережить позор, которым и является брак с язычником¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Альтхоф в комментарии к ст.137 также указывает на этническую сторону позора в браке с гунном.

Глава 3. Битвы и снаряжение

Прежде всего следует привести бесспорно верное замечание [Schwab 1979a: 236–237] о том, что в боевых сценах в «Вальтарии» совершенно не прослеживается тот древнегерманский стиль кратких штрихов, который мы находим в «Песни о Хильдебранде», в «Беовульфе» и остальной древнеанглийской поэзии и даже в «Песни о Нибелунгах»¹⁴⁵ - и что едва ли можно предполагать, что все описываемые автором сражения он нашёл в схожем виде в источнике. Кроме того, наличие множества явных заимствований из античной поэзии в сценах битвы выявляет [Strecker 1898], как и издание [Strecker 1951], а [Ebeling-Koning 1979: 1–187] крайне подробно рассматривает все обнаруживаемые языковые параллели с Пруденцием и Вергилием в боевых сценах и спекулирует о возможной интенции автора. Для нашей исследовательской задачи обращаться ко всем находимым в боевых сценах заимствованиям было бы избыточным, но, тем не менее, поскольку сцены битв занимают значимую часть поэмы, необходимо, по крайней мере, обозреть их в целом и указать наиболее примечательные места и детали.

В описаниях битв автор полагается на Вергилия больше, чем во всех других сценах поэмы – именно в описаниях битв мы находим особенно много очевидных заимствований из «Энеиды», например, 831–832 – Aen12.728ff, 775ff – Aen.10.481ff, 747f – Aen.10.892ff и др. (все приведённые параллели указываются Штрекером). Что все или хотя бы большинство обнаруживаемых параллелей играют роль аллюзий, представляется крайне маловероятным. Для примера: ст.775 полностью повторяет фразеологию Aen.10.481, хотя и с небольшой перестановкой слов, – однако если в «Энеиде» высказывание принадлежит Турну, убивающему явно симпатичного Вергилию Палланта, в

¹⁴⁵ Шваб не упоминает эддическую поэзию, но между тем, в ней стиль штрихов особенно ощутим. Ср., к примеру, как в «Гренландской песни об Атли» противостояние Гуннара и Хёгни гуннам сводится к двум строфам краткого пересказа (стр.18-19). То же самое событие в немного более развёрнутом виде, но всё ещё с минимальным количеством подробностей – в «Гренландских речах Атли» (стр.49-53).

«Вальтарии» его произносит Вальтарий, мечущий копье в Экиврида, очередного неважного для сюжета грабителя, выведенного на несколько стихов в поэме только для того, чтобы Вальтарий его убил. Схожим образом, много параллелей с судьбоносным поединком Энея и Турна в 12-й книге «Энеиды» обнаруживается в сцене поединка Вальтария и Хадаварда (ст.781-845)¹⁴⁶, также очередного незначительного нападающего грабителя, тогда как такого рода аллюзии имели бы смысл разве что в заключительной битве между Вальтарием, Гунтарием и Хаганом. [Ebeling-Koning 1979: 48], в частности, очень удачно обращает внимание на нелепую механичность описания первой части этого поединка, которую она трактует как упражнение в книжном описании битвы – пожалуй, мы в большей или меньшей степени можем распространить этот взгляд на все боевые сцены в «Вальтарии».

Как крайне характерный античный элемент нужно отметить отрубание голов, конечностей и подробное описание прочих тяжёлых увечий – для германского штрихового стиля эти детали менее нехарактерны, хотя и встречаются¹⁴⁷. Тем временем, в «Вальтарии» автор особенно часто демонстрирует отрубание голов (718, 753, 939, 979, 1059), в 912 Патаврид смотрит на свои вылезавшие внутренности, в 1045 Вальтарий отрубает руку Трогу. Особенно достаётся Элеутерину (1018–1019), которому Вальтарий выбивает мозг, отрубает голову и вскрывает грудную клетку. В финальной битве, как упоминалось выше, помимо теряющего глаз в соответствии с традицией Хаганона, Гунтарий теряет ногу, а Вальтарий – руку¹⁴⁸. Этот аспект описаний битв, безусловно, следует возводить к античной традиции: сцены расчленения и описание тяжёлых увечий мы находим в обильном количестве как в «Энеиде» (см. 9.754 – выбитый мозг, 9.771 – отрубание головы) и

¹⁴⁶ См. 822f-Aen.12.707ff; 824f – Aen.12.788f; 826–Aen.12.720 и другие, приводимые Штрекером в издании.

¹⁴⁷ К примеру, отрубание руки есть в стр.1963 в «Песни о Нибелунгах», а в стр.50 в «Гренландских речах Атли» - отрубание ноги.

¹⁴⁸ В этой сцене, кроме того, особенно характерно изображение движений отрубленных конечностей (ст.1402-1403); о схожих эпизодах в античной литературе см. [Zwierlein 1970: 153–157]

«Психомахии» (ср. 282f – отрубание головы, причём эти стихи, по-видимому, были образцом для Walth.718, приводит Штрекер), так и в «Фиваиде» (10.315 – отрубание головы), особенно же их много в «Фарсалии» (например, отсечение руки, которая продолжает двигаться – 3.611ff¹⁴⁹).

Обратимся к одному из примеров, где мы, как кажется, действительно можем иметь дело с интересной аллюзией, причём комической – к ст.744, дословно заимствующему фразу «in me mora non erit ulla»¹⁵⁰ из Eccl.3.52¹⁵¹, где речь идёт о подготовке к состязанию в пении. Похоже, что автор здесь иронизирует над торжественностью, которую он сам придал предшествующей сцене выхода на бой Веринхарда Пандарида (см. подробнее 4.«Троянское происхождение»), ведь после этих слов Вальтарий почти сразу убивает столь грозного противника. В свою очередь, последующие стихи 745–748 очень точно повторяют фразеологию нескольких мест в «Энеиде» (см. параллели Штрекера), но, как и в случае с поединком Вальтария с Хадавардом, мы не видим никаких причин, почему бы автор хотел здесь сопоставить Вальтария с Нисом, а Веринхарда – с Мезенцием. Как и в большинстве случаев с параллелями в боевых сценах, здесь мы имеем дело просто с заимствованными ради удобства выражениями. Справедливости ради, такие заимствования ради удобства мы находим не только в боевых сценах: описывающий пир у гуннов ст.296 дословно заимствован из Prud.Apoth.713¹⁵², где речь идёт об евангельской сцене трапезы, устроенной Христом из пяти хлебов и двух рыбок, в то время как в «Вальтарии» в этом месте описывается попойка гуннов. Хотя автору «Вальтария», безусловно, не чуждо чувство юмора, мы вряд ли можем предполагать, что раннесредневековый монах сознательно сделал бы ироничную аллюзию на евангельскую сцену в контексте попойки,

¹⁴⁹ На это место указывает [Schmidt 2017: 69]

¹⁵⁰ «С моей стороны никакого промедления не будет».

¹⁵¹ Приводит Штрекер.

¹⁵² Приводит Штрекер.

поэтому похоже, что и здесь мы также имеем дело всего лишь с удобным выражением, которое вспомнилось поэту.

Одной из примечательных сцен в описании битв является прибавление копьём к лошади Камалона – эта сцена интересна своим компилятивным характером. Вальтарий, метнув копьё, прибавляет руку Камалона к левому бедру, к которому тот потянулся за мечом, и самого Камалона – к его коню (ср.673-676). Очень удачное замечание об этом месте делает [Zwierlein 1970: 158-159], интерпретируя его как сочетание двух эпизодов из античной литературы: 1.«Фиваида», 7.632-639: Тидей, метнув копьё, пригвождает Птерела к коню; 2. «Энеида», 9.576-580, где Капис стрелой пригвождает к левому боку руку потянувшегося к ране Приверна¹⁵³. Мы бы добавили к этому, что для завершающего сцену стиха Walth.685¹⁵⁴, описывающего одновременную смерть коня с хозяином, можно найти образец в Theb.8.543¹⁵⁵: «(equus) ...iuncta domino servise recumbit» («(конь)... падает, положив шею рядом с хозяином»). Это действительно примечательное место, но см. совершенно противоположного характера явление, выдающее поверхностное отношение автора к заимствованиям в боевых сценах: также [Zwierlein 1970: 160–161] приводит крайне удачный пример того, как автор, подражая в описании битвы определённому мотиву в античной литературе, сохраняет только внешнее подобие, лишая его идейного содержания. В Aen.10.346-349 Клавз убивает говорящего Дриопа, бросив ему под подбородок, «sub mentum», копьё. Схожий мотив обнаруживается в Psych.715ff, где Вера (Fides) убивает Распрю (Discordia), пронзая ей, говорящей, язык («transfigens linguam»). Автор «Вальтария», в свою очередь, в 716f. заимствует только внешнюю сторону этого мотива, заставив Вальтария

¹⁵³ Правда, Цвирляйн путает в этом месте имена: он пишет, что Приверн убивает Каписа, однако дело обстоит наоборот, см. 9.572–576: «sternit...// Privernum Capys». Капис также появляется ещё далее в 10-й книге (ст.145).

¹⁵⁴ «Tunc equus et dominus hora cecidere sub una.» - «Тогда конь и хозяин пали в один час»

¹⁵⁵ «Фиваида» приводится по изданию [Mozley 1928].

пронзить Скарамунду горло (как и у Вергилия, «sub mentum»), но сам мотив – обрывание речи убийством – в «Вальтарии» не находит места.

На мысль о параллели с германской традицией наводят, пожалуй, ст.713-714: «dedit illa (galea) resultans // Tinnitus ignemque simul transfudit ad auras.» («издал он (шлем), откликаясь, звуки и тут же выпустил огонь к ветрам») и 1372–1373: «cassis... // Excipit assaultum mox et scintillat in altum» («Шлем... принимает вскоре удар и блестит ввысь»). Описание искр от ударов металла особенно характерно для «Песни о Нибелунгах»¹⁵⁶, ср. стр.186: «do stovb vz dem helme | sam von brenden groz // die viwerroten vanchen | von des heldes hant»¹⁵⁷ и стр.2277: «do slug er wolfharten | daz er stieben began»¹⁵⁸. Описание звуков битвы, в свою очередь, часто встречается и в «Энеиде» (к примеру, 9.709; 12.267; 12.713 и др.), как и в других античных эпосах, а «ad auras» - регулярно встречаемое в «Энеиде» окончание стиха (см.2.759; 12.592; 12.703 и др.).

Тем временем, сцена, следующая за вторым приведённым нами отрывком, похоже, является одним из случаев намеренной аллюзии к античным образцам в боевой сцене, в этот раз очень значительным - нас интересуют ст.1376–1382, сцена потери руки Вальтарием, из-за поломки меча забывшего в гневе об осторожности. [Strecker 1898: 362]¹⁵⁹ справедливо указывает, ссылаясь на Майера, что эпизод является подражанием Psych.140ff. В этом эпизоде в «Психомахии» у Ярости (Ira) ломается меч, после чего та, свирепствуя (ст.150), совершает самоубийство. Похоже, что автор здесь имеет в виду аллюзию, ведь именно из-за ярости Вальтарий лишается руки, что предвосхищается в ст.1319–1320. Потеря руки при этом, по-видимому, не является частью сказания (см. 1.«Концовка»), а поломка меча – является, ведь

¹⁵⁶ Приведённые примеры и другие см. в [Тихонов 2019: 34–35].

¹⁵⁷ «тогда поднялись от шлема, будто от пожаров больших, // огненно-красные искры от руки героя».

¹⁵⁸ «тогда ударил он Вольфхарта так, что он искрить начал».

¹⁵⁹ Также см. указание на параллель в его издании.

она также происходит в «Вальдере» (I.24-26a): «Ne murn ðu for ði mece: / ðe reard madma cyst // gifede to eoce unc; / ðu ðu ðuðhere scealt // beot forbiȝan...» («Не скорби о мече: тебе избранное из сокровищ даровано нам на защиту; им ты должен смирить похвальбу Гудхере»). [Norman 1949: 14] предлагает несколько вариантов интерпретации первого полустиха, среди которых наиболее контекстуально подходящим является полонка прежнего меча.

Что касается снаряжения, крайне примечательно, что автор не заинтересован в исторической аутентичности описываемого в поэме снаряжения. Среди наиболее ярких анахронизмов следует указать бронзовые доспехи¹⁶⁰ (ст.452, 1016, 1370) и гребни на шлемах¹⁶¹ (ст. 334, 698), которые автор, конечно, нашёл в «Энеиде» (к 334 и 698 смотри, в частности, параллели Штрекера). [Ebeling-Koning 1979: 92–96], рассматривая с опорой на комментарий Альтхофа эти и другие анахронистические элементы снаряжения в «Вальтари», такие как семислойный щит и двойная секира, констатирует бóльшую заинтересованность автора в классических образцах, чем в исторической действительности, и приходит к выводу, что автор обращается к анахронизмам, чтобы повысить разнообразие в боевых сценах – это объяснение представляется вполне убедительным. Большой интерес представляют, однако, специфически германские элементы снаряжения. В ст.965 упоминается доспех Виланда - «*Wielandia fabrica*». Хотя часть исследователей (например, [Strecker 1899: 586-587], [Simmons 1913: 242], [Ebeling-Koning 1979: 212]) считает, что за этими словами не стоит ничего больше, чем «хорошо сделанный доспех», поскольку такое употребление встречается в «Беовульфе», мы больше склонны согласиться с Альтхофом (комментарий к ст.965), на основе упоминаний в «Вальдере» указывающим на связь именно Виланда со сказанием о Вальтере. Что в «Вальдере» «работой

¹⁶⁰ См. [Ziolkowski 2008: 2004] со ссылками о крайне ограниченном использовании бронзовых доспехов римлянами и об их отсутствии в каролингском средневековье, а также об их изображении в иллюминациях в рукописях «Психомании».

¹⁶¹ Об отсутствии гребней на шлемах средневековых немцев см. комментарий Альтхофа к ст.556.

Виланда» (I.2: «*Pelandes porc*») назван меч, тогда как в «Вальтарии» речь идёт о доспехах, не представляется очень значимым расхождением на фоне всех существующих между различными вариантами сказания о Вальтере различий – важен здесь сам факт того, что у Вальтария/Вальдере имеется в обоих случаях элемент снаряжения, связанный с мифическим кузнецом. Вполне вероятно, что эта броня упоминалась уже в немецком источнике «Вальтария» и действительно отсылала к кузнецу Виланду¹⁶². Не менее примечателен, хотя и не нагружен мифологическим содержанием, сакс Вальтария («*semispata*», ст. 1390) – будем отталкиваться от его встроенности в композицию поэмы: в ст.336-337 автор указывает, что Вальтарий по гуннскому обычаю опоясался мечами с двух боков, а в 1390-1391 Вальтарий после поломки первого меча выхватывает оставшейся левой рукой этот самый сакс, который позволяет ему продолжить бой и насчёт которого автор напоминает: «*qua dextrum cinxisse latus memoravimus illum*»¹⁶³ - доказывая, что он в самом деле уже в начале поэмы имел в виду этот сакс и его роль в итоговом сражении. Само присутствие этого оружия в поэме необычно: как отмечает [Ziolkowski 2008: 197], «*the halfsword... was passing out of use during Charlemagne's time*». Зиолковски объясняет присутствие этого меча в снаряжении Вальтария тем, что автор был знаком с таким видом оружия, но, поскольку оно было к его времени уже слишком необычно, он мог снарядить им только воспитанного у гуннов Вальтария, но не франкских воинов. Это объяснение неудовлетворительно: если франки в поэме могут носить бронзовые (ст.1370) и увенчанные гребнями (ст.698) шлемы и двойные секиры (ст.918)¹⁶⁴, сакс для аутентичности их экипировки большой угрозой уже определённо не представляет. Между тем, Альтхоф (ст.337) замечает, что ношение на правом боку второго меча в действительности является не гуннским, а

¹⁶² См., кроме того, весьма любопытную интерпретацию Альтхофа к «*fabrorum insigne*» в ст. 264.

¹⁶³ «Которым, как мы помним, он опоясал правый бок».

¹⁶⁴ В следующем стихе автор отмечает: «*Istius ergo modi Francis tunc arma fuere.*» - «такого рода тогда было у франков оружие». С саксом он мог бы поступить точно так же.

древнегерманским обычаем, и высказывает предположение, что автор, во времена которого этого обычая уже не существовало, столкнувшись с ним в немецком источнике, интерпретировал его как гуннский. Вполне вероятно, что и о редком для его времени саксе автор узнал в том же самом месте в источнике. Мы допускаем, что этот упомянутый при побеге сакс играл значимую в последней битве роль также и в немецкой песни, ведь, как было указано выше, поломка первого меча, по-видимому, является частью сказания, и, надо полагать, после неё Вальтарий был вынужден вести бой саксом. Заимствованным из германской традиции элементом также могут быть доспехи Хаганона, которые, хотя и не описаны, должны выглядеть как-то очень характерно¹⁶⁵, поскольку в поэме дважды идёт речь об узнавании Хаганона Вальтарием по доспехам, см. ст.556 и ст.1270–1271. Узнавание Хаганона Вальтарием по доспехам в ст.556 обостряет трагичность стихов 878–883, где Вальтарий, понимая, что перед ним родственник Хаганона, безуспешно пытается отговорить Патаврида от сражения.

Наше заключение к этому разделу таково: в описании битв автор в особенно значительной степени полагается на античные поэтические образцы. Именно эта сторона поэмы больше всего по форме подражает античной эпической поэзии: количество заимствованных дословно или с небольшими изменениями стихов здесь крайне велико, но при этом есть лишь очень ограниченное количество мест, в которых мы считаем разумным видеть умышленную аллюзию – мы их привели. От германского стиля описания битв стиль «Вальтария» отличается радикально, и, кажется, мы можем уловить только отголосок немецкой традиции в описании поднимающихся от ударов металла искр¹⁶⁶. Описываемое автором снаряжение также по большей части восходит к античным образцам, но сохраняются и германские элементы снаряжения, причём, в отличие от античных, они все оказываются особенно

¹⁶⁵ См. комментарий Альтхофа к ст. 556 с привлечением особенностей доспехов Хагена из других источников.

¹⁶⁶ Но также обрати внимание на 5. «Кеннинги и поэтические германизмы».

значимыми для сюжета: доспех Виланда спасает Вальтарию жизнь (ст. 965–966), примечательный сакс позволяет продолжить битву после поломки меча (ст.1390), а узнаваемый доспех Хаганона обостряет трагизм поединка между Вальтарием и Патавридом. При этом все эти три германских элемента, по-видимому, восходят к немецкому источнику автора. В этом мы видим стабильно возникающую в поэме дихотомию между германским содержанием и античным обликом, роль которого в боевых сценах оказывается наиболее очевидной, но также наиболее поверхностной.

Глава 4. Темы, мотивы, сцены

Алчность. В идее о приносящем бедствия сокровище, прослеживаемой в «Вальтарии», можно искать германское происхождение и предполагать её наличие уже в источнике. Развитие этой идеи мы видим особенно ярко в скандинавской версии сказания о сокровище нифлунгов и в относящихся к этому циклу эддических песнях, менее выражено – в «Песни о Нибелунгах», а в другом контексте – в похищении чаши из охраняемого драконом сокровища в «Беовульфе» и последующих событиях (начиная со ст. 2224). [Neske 1921: 213], обращая внимание на общих между «Вальтарием» и «Песнью о Нибелунгах» персонажей (Гунтер, Хаген, Этцель) и их схожие роли в повествовании, предполагает, что сказание о Вальтере является переработкой сказания о смерти Зигфрида и гибели бургундов. Это вовсе не кажется обязательным: мы скорее видим в сказании о Вальтере (в том виде, в каком оно представлено в «Вальтарии») возникший самостоятельно вариант развития общегерманского топоса губительного сокровища, который очевиден и в не связанном со сказанием о нифлунгах и гибели бургундов «Беовульфе». Персонажи Гунтера и Этцеля в традиции в связи с историческими фактами (см. разделы 1. и 2.) действительно должны иметь своё происхождение именно в этом сказании, относился ли Хаген к нему изначально – нельзя сказать точно¹⁶⁷, но он, несомненно, был достаточно рано в него интегрирован, поскольку фигурирует во всех известных версиях. Представляется, однако, возможным, что в сказание о Вальтере эти персонажи (и связанные с ними роли, их поведение – см. «Персонажи») попали не непосредственно из сказания о Зигфриде и гибели бургундов, а прежде стали «межсказательными» персонажами. Об этом может говорить их многократное появление в других контекстах в средневерхненемецкой героической поэзии.

¹⁶⁷ В отличие от Гунтера и Этцеля, Хаген не имеет очевидного исторического прототипа, см. подробнее комм. Альтхофа к ст.27.

Но даже если они и перешли в сказание о Вальтере напрямую из сказания об убийстве Зигфрида, это ещё не делает сказание о Вальтере переработкой.

Итак, что в немецком источнике «Вальтария» уже была заложена выраженная идея губительного сокровища, которое хотел заполучить алчный в соответствии с традицией (см. «Персонажи») Гунтер, представляется возможным. Но поэт для её развития обращается к своим античным образцам. Идея о губительности алчности особенно ярко в поэме выражается в патетическом монологе Хаганона (ст.846-877), вынужденного смотреть, как его племянник Патаврид готовится к суицидальному поединку с Вальтарием. С одной стороны, Штрекер приводит очень значительные фразеологические параллели с Пруденцием: Walth.857 «fames insatiatus¹⁶⁸ habendi¹⁶⁹» - Psych.478 «amor insatiatus habendi», Walth.858 «Gurges avaritiae, cunctorum fibra¹⁷⁰ malorum!»¹⁷¹ - Prud.Ham.255ff «Gurges avaritiae... radix... sola malorum». С другой стороны, мы находим справедливыми некоторые¹⁷² из подмеченных [Schmidt 2017: 73] параллелей с Bell.Civ.3.118-121: готовность умереть ради добычи: Walth.863 «Non trepidant mortem pro lucro incurrere turpem»¹⁷³ - Bell.Civ.3.318-319: «ferrum mortemque timere // auri nescit amor»¹⁷⁴ и прямое обращение к источнику зол: Walth.861-862: «Tu (gurges avaritiae)... homines... // incendis»¹⁷⁵ - Bell.Civ.3.121: «certamen movistis, opes¹⁷⁶».

¹⁶⁸ [Grimm, Schmeller 1838: 69] видят в грамматически неверном здесь использовании мужского рода влияние немецкого «der Hunger», но возможно, на эту ошибку автора натолкнуло как раз приведённое «amor insatiatus» у Пруденция. Или и то и другое.

¹⁶⁹ «Ненасытная жажда богатства», точнее, буквально – «ненасытный голод имения».

¹⁷⁰ «Fibra» в переносном значении «корня», см. MLW4.190.10ff.

¹⁷¹ «Водоворот алчности, корень всех зол!»

¹⁷² Шмидт рассматривает этот эпизод только через Лукана и применяет Bell.Civ.3.118-121 к указанным выше выражениям, которые в действительности обнаруживают значительно большее сходство с Пруденцием.

¹⁷³ «Не страшатся ради добычи бежать навстречу позорной смерти».

¹⁷⁴ «Страха железа и смерти не знает любовь к золоту».

¹⁷⁵ «Ты (водоворот алчности) зажигаешь людей».

¹⁷⁶ «Вы вызвали распрю, богатства».

Обратим также внимание на сентенцию Хаганона в ст.864: «*Quanto plus retinent, tanto sitis ardet habendi*»¹⁷⁷. Сентенции – традиционный элемент античной поэзии, восходящий ещё к Гомеру, который, согласно Квинтилиану, был в них мастером¹⁷⁸.

Подытожим: хотя мы имеем дело, по-видимому, с развитием изначально присутствовавшей в сказании идеи о губительном сокровище, она приобретает выраженно античную форму в монологе Хаганона, опирающемся на Пруденция и Лукана, кроме того, применяющем сентенцию. Даже если не учитывать этих формальных аспектов, сама форма дидактического монолога скорее нехарактерна для германской героической поэзии.

Вещий сон. Хаганон пытается отговорить Гунтария от битвы, пересказывая ему оказывающийся вещим сон, в котором медведь (Вальтарий) вырывает глаз первому и отрывает ногу последнему (ст.621-627). Эту тему достаточно подробно обсуждает [Zwierlein 1970: 168–173], упоминающий возможность германской интерпретации, но всё же ищущий образцы в латинской литературе: он приводит для сравнения аллегорический сон о двух пальмах в «Фастах» Овидия, сон Атланты о дубе в «Фиваиде», сон о льве в «Похищении Прозерпины». Цвирляйн допускает, что на выбор медведя могло повлиять германское представление о медведе как «царе германского леса», как его называет Альтхоф, но также ищет источник описания в «*Collectanea rerum memorabilium*» Солина. Мы бы хотели сделать несколько замечаний, заставляющих нас скорее искать корень этого вещего сна всё же именно в германской традиции. Аллегорические сны с животными занимают в ней очень видное место (тогда как из приведённых Цвирляйном возможных аналогов в античной поэзии более-менее релевантным является только сон о льве) и, как и в «Вальтарии», встраиваются в композицию всего дальнейшего действия: уже в первой авантюре «Песни о Нибелунгах» читатель находит

¹⁷⁷ «Чем большим владеют, тем больше жжёт жажда иметь»

¹⁷⁸ Подробнее о сентенциях в античной поэзии и поэтике см. [Lausberg 1990: 431ff]

вещий сон Кримхильды о соколе и двух орлах, предсказывающий гибель Зигфрида; аналогично, в эддических песнях, во «Второй песни о Гудрун» несколько аллегорических снов предвещают гибель Атли и его сыновей: среди них сны про соколов и щенят. В «Гренландских речах Атли» в стр.14-28 предлагается ряд аллегорических снов, предвещающих гибель Гуннара и Хёгни, в которых среди прочего фигурируют змеи¹⁷⁹, орёл, волки и, что особенно напоминает ситуацию в «Вальтарии» - медведь. Эта параллель больше других наводит на мысль, что сон с медведем имеет именно германское происхождение и даже, быть может, особенно связан конкретно с Хаганом – правда, в «Гренландских речах» он снится не самому Хёгни, а его жене, которая, в свою очередь, пересказывает сон мужу. Вероятно, сон Хаганона присутствовал уже в немецком источнике, но в нём упоминалось только увечье самого Хаганона, поскольку увечье Гунтария, как уже обсуждалось выше, скорее следует считать изобретением автора.

Мечь, мотив, связывающий огромное множество германских и, в частности, скандинавских сказаний, обнаруживается и в «Вальтарии»: в первый раз – в словах племянника Камалона Скарамунда, собирающегося отомстить за смерть дяди (689–691): «*Ingemit et lacrimis compellat tristior omnes: Naec me prae cunctis heu respicit actio rerum. // Nunc aut commoriar vel carum ulciscar amicum.*»¹⁸⁰. Германские законы кровной мести, комментируя это место, обсуждает Альтхоф, ссылаясь на Тацита и «Песнь о Нибелунгах», вместо которой, учитывая, что речь идёт о мести за кровного родственника, мы бы скорее предложили обратить внимание на эддические песни о смерти Атли, где Гудрун мстит за братьев, а также на «Подстрекательство Гудрун» и «Речи Хамдира», где она посылает сыновей мстить за смерть сестры.

¹⁷⁹ Именно сон со змеями оказывается наиболее «точным», так как Гуннара в самом деле бросают в яму со змеями. В некотором смысле схожим образом осуществляется сон Хаганона о медведе, ведь во время описания последней битвы, в ст. 1337, Вальтарий сравнивается с нумидийским медведем (см. подробнее 5.«Сравнения»).

¹⁸⁰ «Стонет и в слезах, печальный (по-видимому, *tristior* в абсолютном значении), говорит всем: “Увы, это свершение касается меня прежде всех. Теперь или тоже умру или отомщу за милого друга”».

Примечательно, что в «Вальтарии» германский мотив вновь помещён в скорее античную форму: слёзы, как и другие яркие внешние проявления эмоций, намного более характерны для героев античного эпоса, особенно в подражающей Гомеру «Энеиде» (ср. Aen.1.465; 6.699; 10.464–465 и т.д.), хотя и нельзя сказать, что мы вовсе их не находим в германской поэзии, ср. «Беовульф».1875, «Песнь о Нибелунгах».2365. В словах Скарамунда выражена ещё одна традиционная германская идея – «или одержу победу или умру» (также фигурирующая в словах Хаганона в ст.1279), которую обсуждает вместе с германскими параллелями [Schwab 1979b: 353–357]. Мечь как новая мотивация для сражения затем фигурирует в словах Скарамунда Вальтарию (700–701), причём то, что Скарамундом теперь движет мечь (как более достойный мотив?), по-видимому, должно утешить Вальтария. Далее он возникает в побуждениях Гунтария к битве (724 и 949–953) и в его попытках уговорить Хаганона помочь (1082)¹⁸¹.

Наконец, мотив мести возвращается в речи Хаганона, обращённой к Вальтарию перед последней битвой (1264–1279), в которой он говорит, что после смерти стольких соратников и племянника примирение невозможно. Альтхоф, обращая внимание на предложенные Вальтарием в ст.1263 в обмен на примирение дары, трактует сцену как отказ Хаганона от вергельда – выплаты за убийство. Мы считаем, идея вергельда здесь скорее обыгрывается: Хаганон, в самом деле, требует вергельда, на что указывает ст.1278: «*deque tuis manibus caedem perquiro nepotis*» (букв.: «и из твоих рук я добиваюсь убийства племянника») - однако требуемым Хаганоном «вергельдом», очевидно, является жизнь Вальтария. Здесь германская тема мести и вдобавок вергельда работает вперемешку с античными образами: [Flatt 2016: 476–479] показывает, как в речи Хаганона обыгрывается вергилианский мотив

¹⁸¹ Правда, со стороны Гунтария апелляцию к мести во всех этих случаях следует воспринимать как манипуляцию, см. раздел «Гунтарий». См. также как в ст.954, сразу после побуждения, автор вновь помечает Гунтария как «*demens*».

умирающего юноши-цветка: в ст.1273–1274¹⁸² находят отражение гибель Эвриала в Aen.9.435–37 и похороны Палланта в Aen.11.68–69: оба этих юноши также сравниваются с цветками; особенно важно, что как гибель Патаврида заставляет Хаганона считать примирение невозможным, так и гибель Палланта, о которой Энею в финале «Энеиды» напоминает его пояс, делает невозможным примирение с Турном. Ср. также замечание о возможном сходстве с Ахиллом и Патроком в разделе «Персонажи» («Хаганон»).

Мрачная ирония относительно смерти, стремление к смерти. Местами в «Вальтарии» можем уловить крайне характерное для «Фарсалии» мрачно-ироничное изображение стремления к смерти. Во-первых, в сцене побуждения воинов Гунтарием: «Sed non dementem tria visa cadavera terrent // Guntharium: **iubet ad mortem properare vicissim**»¹⁸³ (754–755). Особенного внимания заслуживают, однако, следующие стихи (954–957):

«His animum dictis demens incendit et omnes

Fecerat immemores vitae simul atque salutis.

Ac velut in ludis alium praecurrere quisque

Ad mortem studuit... »¹⁸⁴

Сравнение с состязанием в беге автор, вероятно, заимствовал из 5-й книги Энеиды¹⁸⁵, хотя Альтхоф в комментарии отсылает к состязаниям в беге у древних германцев, что кажется менее вероятным источником. Так или

¹⁸² «Unice enim carum rutilum blandum pretiosum // Carpsisti florem mucronis falce tenellum» - «Ведь ты срезал серпом меча особенно милый, красный, прелестный, дорогой, нежный цветок». Кажется примечательным выражение «falx mucronis» (серп меча), очень напоминающее германский кеннинг. В качестве примеров кеннингов, образованных от меча можно привести др.исл. «hjör-vangr» («сад меча» - щит), «hjör-dómr» («суд меча» - битва) и др., смотри «hjör» в словаре Клисби-Вигфуссона.

¹⁸³ «Но не пугают безумного Гунтария три увиденных трупа: вновь велит спешить к смерти».

¹⁸⁴ «Этими словами он зажигает дух и всех заставляет забыть о жизни и о здоровье (христианском спасении?). И, словно на играх, каждый стремится обогнать другого на пути к смерти».

¹⁸⁵ Штрекер отсылает к 5.315ff.

иначе, это «состязание в беге *ad mortem*» является превосходным образцом мрачной иронии, пронизывающей «Фарсалию». ст. 754–755 напоминают 2.207–209: «*intrepidus tanti... // spectator sceleris: ...tot milia... // non timuit iussisse mori*»¹⁸⁶ и, может, 5.364: «*disce mori*» («учись умирать»). К 954–957 см. особенно 4.538–541: «*tanta est fiducia mortis // ... primus... // Vulteius... poscens iam fata...*»¹⁸⁷ и 6.245–246: «*Pompei vobis minor est causaeque senatus quam mihi mortis amor*»¹⁸⁸. Помимо этого, ср. 4.486–487, 6.153–154 и др.

Оплата переправы едой. Привлекает внимание, что везущий с собой два сундука сокровищ Вальтарий награждает перевозчика пойманной рыбой (ст.434), которая в пути ему нужнее сокровищ. Поскольку столкновение с Гунтарием, которое в поэме становится возможным исключительно из-за того, что Вальтарий наградил перевозчика рыбой, по-видимому, присутствовало уже в источнике автора (см. первую главу), мы можем предположить, что оплата рыбой также присутствовала в сказании – это бы, пожалуй, несколько смягчило неуклюжесть всей цепи событий¹⁸⁹, ведь в героических сказаниях ясность мотивации не всегда обязательна, ср. к примеру стр.5-11 в «Гренландской песни об Атли», где Гуннар и Хёгни, несмотря на отсутствие заинтересованности и к тому же предупреждение Гудрун, решают ехать в гуннам. Как пример германской параллели к оплате переправы едой мы бы привели стр.2 в эддической «Песни о Харбарде»: «*Ferðu mic um sundit, foði ec þic á morgon, // meis hefí ec á baki, verðra matrinn betri*» («Переправь-ка меня! // Дам пищи на завтра: // за спиною в корзине // еда — нет вкуснее!» - перевод А. И. Корсуна).

¹⁸⁶ «Незыблемый... зритель такого преступления: ... стольким тысячам... не испугался повелеть умирать»

¹⁸⁷ «Так сильна была преданность смерти... // первый, требуя смерти...// Вултей» - перевод Л. Е. Остроумова.

¹⁸⁸ «Нет, вы любите все Помпея и дело Сената // Меньше, чем смерть я люблю!» - перевод Л. Е. Остроумова.

¹⁸⁹ Почему везущий с собой сокровища Вальтарий оплачивает переправу более необходимой ему в пути рыбой? Почему у Гунтария вызывает такой живой интерес незнакомый сорт рыбы? Почему он так настаивает на том, чтобы узнать, откуда повар и перевозчик её получили (ст.441-446)?

Перечисление воинов. В ст.1007ff автор, предварительно заявив об этом намерении, вдруг решает перечислить оставшихся в живых противников Вальтария и указать для двух из них их происхождение. Хотя у него на это уходит всего четыре стиха, это перечисление воинов, несомненно, имеет своим образцом развёрнутые перечисления в античном эпосе, восходящие, конечно, к Гомеру. Для поэта «Вальтария» образцом наверняка послужило намного более длинное перечисление италийских героев и описание их происхождения в конце 7-й книги «Энеиды» (от ст.647).

Поднесение питья женой. [Neckel 1921: 215] сопоставляет первую встречу Вальтария с Хильтигундой в поэме, во время которой она подносит ему питьё (ст.224ff), со сценой поднесения питья Атли Гудрун в «Гренландской песни об Атли» (стр.35). Схожую сцену мы также находим в «Беовульфе» (ст.612–623), где Вальхтеов подносит питьё сначала Хродгару, а потом гостям, что позволяет нам говорить о германском топосе поднесения питья женой, который также находит отражение в «Вальтарии», ведь Хильтигунда с Вальтарием были обручены ещё в детстве (ст.80-82).

Пожар, гибель гуннов. Описывая попойку гуннов, автор заканчивает замечанием (ст.322-323): «et licet ignicremis vellet dare moenia flammis, // Nullus, qui causam potuisset scire, remansit»¹⁹⁰. [Önnerfors 1992: 636–637] приводит схожую мысль в «Беовульфе» и указывает на распространённость поджогов в германских сказаниях. При этом он считает безосновательными приводимые им мнения Вольфа и Фолльмана о том, что в этих стихах содержится намёк на пожар, связанный со сказанием о гибели Аттилы – как нам кажется, зря. Этот пожар, несомненно, является очень древней частью сказания об убийстве Аттилы, ведь фигурирует как в северной версии («Гренландская песнь об Атли», стр.42), так и в немецкой, где, несмотря на значительные сюжетные изменения и изменения обстоятельств поджога, тем не менее, сохраняется

¹⁹⁰ «И даже если бы он (Вальтарий) хотел предать стены пламегущим огням, не осталось никого, кто бы об этом узнал».

идея пожара («Песнь о Нибелунгах», авентюра 36). Кроме того, в «Гренландской песни об Атли» гибель Атли и гуннов также связана с опьянением (стр.40-42) – основа для проведения параллели вполне присутствует. Обратим ещё внимание на проводимую Штрекером фразеологическую параллель между Walth.358 и Aen.9.189: в первом случае описаны пьяные гунны, а во втором – уснувшие пьяные италийцы, на которых собираются напасть ночью Нис и Эвриал. Мы вполне здесь можем иметь дело с аллюзией к будущей гибели пьяных гуннов.

Покорность вождю. Эта германская тема, обсуждаемая выше в связи с конфликтом верности Хаганона (см. «Хаганон») также даёт о себе знать в другом месте поэмы – в речи Вальтария, в которой он уговаривает Аттилу не женить его. Он подчёркивает своё подчинённое положение и вообще незначительность: «*Vestra... pietas est, quod modici famulatus // Causam conspicitis. sed quod mea segnia mentis // Intuitu fertis, numquam meruisse valerem. // Sed precor, ut servi capiatitis verba fidelis*» (146–149) - «Это ваша добродетель, что вы следите за делом скромной службы. Но я бы никогда не смог заслужить того, чтобы вы приняли во внимание медлительность моего разума. Но молю, чтобы вы услышали слова верного слуги.». Далее в своей речи он апеллирует к тому, что в браке будет вынужден в первую очередь думать о семье, тогда как больше всего хочет служить господину (158–159), и, кроме того, обращается к Аттиле как к отцу («*pater*»¹⁹¹) в ст.165. Для Вальтария вся эта речь, конечно, не более чем отговорка, однако германская тема верности и покорности хорошо прослеживается на всём её протяжении, хотя уважительное обращение «*pater*» и является продуктом античной культуры (см. LewisShort, II, D).

Превращение в птицу. В ст.803-804 Хадаварт, угрожая Вальтария, говорит, что тот не сбежит от его соратников, даже если превратится в птицу («*quamvis volucrem simules pennasque capessas, // Te tamen immunem numquam*

¹⁹¹ Так же обращается Хаганон к Гунтарию в ст.618.

patientur abire»). Мы совершенно согласны с приведённой Штрекером параллелью в Aen.12.891f, где схожие слова говорит Эней Турну, однако это заимствование, как и многие, связанные с боевыми сценами, скорее обусловлено удобством и случайно вспомненной автором интересной идеей из читательского опыта, чем с желанием сделать аллюзию: не было бы никакого смысла сопоставлять здесь побеждающего всех врагов Вальтария с обречённым Турном. Зато кажутся вполне справедливыми приведённые Альтхофом в комментарии к этому месту примеры способности обращаться в птиц в германских мифологических сюжетах, которые (или схожие с которыми), вероятно, могли подразумеваться.

Представление. Предложение Хаганона в ст.574-580 послать кого-нибудь узнать у Вальтария его имя, род и «locum relictum» выглядит неорганично в контексте поэмы, ведь франки целенаправленно преследовали Вальтария по следам до места в горах, где происходит действие, ср. ст.513-517, где Гунтарий совершенно уверен в том, что они нашли Вальтария и теперь он не уйдёт. Возможно, мы имеем дело с унаследованной из источника эпической сценой представления героев, аналогичную которой мы находим, к примеру, в «Песни о Хильдебранде» (ст.7-30), где Хильдебранд хочет узнать имя отца и род Хадубранда («hwer sin fater wari... “eddo hwelihhes cnuosles du sis...”») и тот отвечает ему длинной речью о его же жизни. См. аналогично «Беовульф», ст.251-257: «Nu ic eower sceal frumcyn witan... Hwanan eowre cume syndon?» («Теперь я должен знать ваше происхождение/ваш род... Откуда вы пришли?»). Ср. в «Песни о Харбарде» (стр.9): «Segia mun ec til nafns míns... oc til allz øðlis... Hins vil ec nú spyria, hvat þú heitir.» («Должен я сказать о моём имени... и обо всём происхождении... Теперь я хочу спросить, как ты зовёшься»). Кроме того, смотри комментарий Альтхофа, где он указывает на действительно существовавший обычай и сопоставляет готовность Вальтария сразу ответить на заданные вопросы с тем, как аналогично всё незамедлительно сообщает Хадубранд. Как и во многих

других случаях в поэме, германскую сцену автор описывает, пользуясь языковыми конструкциями, найденными у античных авторов, см. приведённую Штрекером параллель между Walth.576 («Et genus et patriam nomenque...») и Psych.506f. («et genus et nomen patriam sectamque...»).

Резкое пробуждение. Предположительно в сказании о Вальтере (во всяком случае, в той форме, в какой оно было доступно автору поэмы) существовал мотив, связанный с запретом на резкое пробуждение героя. Никак иначе не представляется возможным объяснить странный акцент, сделанный Вальтарием на том, что Хильтигунда не должна его резко будить (ст.506-508) – это место, в частности, привлекает внимание на фоне того обстоятельства, что автор уделяет в остальных отношениях минимальное внимание взаимодействию между Вальтарием и Хильтигундой. Главный диалог между ними происходит в сцене планирования побега; помимо этого, есть сцены, в которых Хильтигунда кратко выражает страх, а Вальтарий не менее кратко её успокаивает и даёт указания к действию (545–553; 1213–1224). На фоне этого общего безразличия автора к взаимодействию между героями и ввиду отсутствия схожих мотивов/сцен в античной эпической поэзии, с которой автор мог быть знаком, предположение об унаследованном из германского источника мотиве, который автор по каким-то причинам посчитал важным сохранить, кажется наиболее вероятным объяснением этой сцене.

Троянское происхождение. Автор наделяет двух героев поэмы троянским происхождением: Хаганона (ст.28) и Веринхарда (ст.725-729). В отношении Хаганона можно предположить, что речь идёт об обыгрывании традиционной идеи троянского происхождения франков (см. комментарий Альтхофа к ст.27) – но при этом едва ли является случайностью, что автор указывает на троянское происхождение конкретно Хаганона, а не всех франков вообще или, например, Гунтария, их короля. С одной стороны, представляется вполне допустимым предположение [Zierer 2007: 19], что это

указание является положительной характеристикой, связывающей Хаганона с героями «Энеиды», с другой – троянское происхождение именно Хаганона вполне может быть обыгрыванием названия города Тронье, из которого происходит Хаген в средневерхненемецкой поэзии¹⁹² и который может быть отождествлён среди прочих вариантов с городами, в названии которых некогда фигурировала Троя: с Ксантенем, среди древних названий которого упоминаются Sancta Troja, Secunda Troja, Troja Minor и Colonia Trojana, или Киршаймом в Эльзасе, имевшим название Nova Troja – см. об этих городах тот же комментарий Альтхофа и [Hollander 1969: 401]. В случае с Веринхардом, однако, троянское происхождение (а именно – от Пандара, выстрелившего в Менелая по приказанию Афины) – определяет весь образ этого персонажа. Эпизод с ним исчерпывающе изучает [Ebeling-Koning 1977: 21–42], указывая на определённую античной традицией выбор оружия и повторение в ст.725-729 вергилианской фразеологии в Aen.5.495-497, где речь идёт о брате Пандара Эвритионе. Нам, однако, вовсе не кажется необходимым (хотя мы не и не отрицаем возможность этой интерпретации) вывод Эбелинг-Конинг, что автор добивается комического эффекта, когда изображает истратившего стрелы и вступающего в сражение на мечах Веринхарда: введение троянской темы, которая вряд ли имела место в германском источнике, в этом эпизоде могло служить либо демонстрации превосходства Вальтария даже над потомком легендарного троянца, либо просто проявлению эрудиции автора.

Чувства, эмоции. Обратимся к уже затронутой местами выше теме чувств и эмоций, испытываемых героями. Поэт «Вальтария» в значительной мере очеловечивает персонажей, позволяя им открыто выражать сильные чувства и испытывать их, что в значительной мере приближает этих персонажей к античным. Хаганон произносит патетический монолог об алчности и плачет (876–877), также плачет и Скарамунд (689–691), собирающийся мстить за дядю. Испуганный враг (1021–1024) бежит от

¹⁹² К примеру, в «Песни о Нибелунгах», стр.9: «von tronege hagene».

Вальтария, другой – умоляет о пощаде¹⁹³ (750–751). Даже Вальтарий испытывает страх перед противниками (967). Страх, как и слёзы, намного чаще и ярче находит место в античном эпосе, для примера см. об Энее в Aen.6.290: «subita trepidus formidine» («дрожащий от внезапного страха»).

¹⁹³ Что очень возмущает Альтхофа, который комментирует это место, говоря, что автор не должен был изображать так германского героя.

Глава 5. Поэтический язык

Апострофа. В ст.485-486 автор обращается к Вальтарию: «*Exibant portis, te Waltharium cupientes // Cernere...*» («Выезжали из ворот, тебя, Вальтарий, жажда увидеть»). Мы часто находим апострофу в античном эпосе, для германской же поэзии она нехарактерна. Ср., к примеру, обращение Лукана к Цезарю в *Bell.Civ.9.1045–1061*. Также поэт обращается к своему читателю, ср. 922: «*metuenda... bella videres*»¹⁹⁴ - такая форма апострофы, с «*videres*» в конце стиха, очень типична для античной поэзии, ср., к примеру, *Theb.7.528-529*: «*nutantesque virum galeas et sparsa videres // fletibus arma piis.*»¹⁹⁵, хотя само по себе обращение к аудитории в германской поэзии также встречается, ср. «Беовульф».1ff, «Песнь о Нибелунгах».1. Упомянем, кроме того, обращение Вальтария к своим рукам в ст.813-817. Восклицание поэта и обращение героя к неодушевлённым предметам у Вергилия хвалит Макробий (*Sat.4.6.10* и *4.6.18*).

Браслеты и кольца. Ещё [Grimm, Schmeller 1838: 73–74] указывают на использование героями «Вальтария» браслетов и колец в качестве единиц измерения богатства (см., например, ст. 266, 613, 1404) как на показатель древности поэмы. Мы бы хотели, однако, в большей степени обратить внимание именно на значимость браслетов и колец в этой роли в германском поэтическом языке и вообще в германской поэзии. В древнеанглийской поэзии правители обозначаются такими словами как «*beahgifa*»¹⁹⁶ (кольцедатель) и «*beaga brytta*»¹⁹⁷ (кольцедаритель), а сами кольца часто символизируют богатства: викинги в «Битве при Мэлдоне» требуют колец (стр.30-31), Вальдере предлагал Гудхере кольца (I.29), см. также формульное выражение: «*Sealde... hund þúsenda// landes 7 locenra beaga*»¹⁹⁸ («Беовульф», 2995-2996)

¹⁹⁴ «Страшные ты бы увидел сражения».

¹⁹⁵ «Ты бы увидел склоняющиеся шлемы мужей и окроплённые нежными слезами доспехи»

¹⁹⁶ «Битва при Мэлдоне», 290; «Беовульф», 1101 (*beaggyfa*), «Битва при Брунанбурге», 2

¹⁹⁷ «Беовульф», 35, 1489

¹⁹⁸ «Подарил... сто тысяч землёй и закрытыми кольцами».

и «Næbbe ic . . . welan . . **landes ne locenra beága,**»¹⁹⁹ («Андреас, 301-303²⁰⁰). Аналогично используются кольца в древнескандинавском поэтическом языке; чтобы не повторяться, мы отсылаем читателя к статьям «baugr» и «hringr» в словаре Клисби-Вигфуссона, где приводится множество примеров употребления обозначающих кольца слов в общем значении богатств, а также поэтических обозначений для правителей, образованных от этих слов. В «Вальтарии», правда, связи между кольцами/браслетами и правителями не наблюдается, но регулярное использование слова «armillae» в общем смысле богатств или денег весьма характерно.

Географические и астрономические экскурсы. Для античных эпосов крайне характерны географические и астрономические экскурсы, которым, в свою очередь, слегка подражает поэт «Вальтария». В античной литературе ср. Aen.1.741ff, Bell.Civ.10.194ff., Theb.3.432ff. В «Вальтарии» мы также находим отголоски этой специфической античной черты, прежде всего – в ст. 1130–1134: «Interea occiduas vergebat Phoebus in oras, // Ultima per notam signans vestigia Thilen, // Et cum Scottigenis post terga reliquit Hiberos. //... // Hesperos Ausonidis obvertit cornua terris».²⁰¹ Отчасти, пожалуй, это также проявляется в указаниях стран, городов и земель с характеристиками, например, 581–582: «Camalonem, // Inclita Mettensi quem Francia miserat urbi» - «Камалона, которого прославленная Франкия направила в город Мец» и ст.1010: «Extulit undecimum pollens urbs Spira Tanastum» - «Одиннадцатого, Танаста, вынес цветущий город Спира». Мы, разумеется, находим указания на города и земли также и в германской поэзии, но придание им характеристик гораздо более характерно для античной поэзии, ср. к 581–582 «incluta Roma» (Aen.6.781), к 1010 - «felicia Baccho Massica» («Массик, счастливый Вакха дарами» - пер. С. А. Ошерова). Надо, конечно, привести здесь и первый стих поэмы,

¹⁹⁹ «Нет у меня... богатств...ни земли, ни закрытых колец».

²⁰⁰ Процитировано по статье «land» в словаре древнеанглийского языка Босворта-Толлера.

²⁰¹ «Между тем Феб склонился к западным краям, оставляя последние следы на известной (по-видимому, из Georg.1.30 – см. параллель Штрекера) Туле; и, оставив за спиной шотландцев с иберийцами... направил рога к гесперийцам в авзонийских землях»).

определяющий место действия: «Tertia pars orbis, fratres, Europa vocatur.» («Третья часть света, братья, зовётся Европой»). Этот стих играет роль того, что Гораций, с которым автор «Вальтария» также мог быть знаком²⁰², называет «situs terrarum» (см. [Curtius 2013: 200]).

Кеннинги и поэтические германизмы. В «Вальтарии» встречается ряд бросающихся в глаза метафор, за которыми можно предположить нечто вроде германских кеннингов, унаследованных из источника, среди них: «viridis aedes» (1036) - «зелёный дом», о ножнах, «torquis aureus» (1059)²⁰³ – «золотое ожерелье», по-видимому, об обезглавливании²⁰⁴, «propugnacula muri»²⁰⁵ (813) - «башни/защита стены», о щите.

[Grimm, Schmeller 1838: 68–69], [Geyder 1853: 153] и [Schweitzer 1889: 39–40] предлагают ряд выражений в поэме, которые им кажутся германизмами. [Strecker 1951: 19], говоря о списке Гримма и о схожих в других работах, справедливо замечает, что многие из этих выражений на самом деле оказываются всего лишь более редкими латинизмами. Более того, для многих можно найти аналоги даже у Вергилия. Однако некоторые выражения в «Вальтарии» всё же очень напоминают те, которые мы находим именно в немецкой поэзии, а именно «laudabilis heros» (427) и «vitam concedet et artus» (603). Первое из них приводит Швайцер, переводя его как «der

²⁰² Во введении мы упоминали проблему датировки «Вальтария». Если поэма была написана в 10-м веке, то она и вовсе попадает в т. н. «aetas Horatiana», но и в 9-м веке автор тоже мог быть знаком с Горацием; о Вергилии, Горации и Овидии в 9-10вв. см. [Hexter 2001: 413–419].

²⁰³ Примечательно, что эти два крайне специфично звучащих выражения находятся совсем рядом, в сцене битвы Вальтария с четырьмя нападающими, тогда как мы не находим больше столь бросающихся в глаза конструкций в других местах в поэме. Можем ли мы предположить, что сцена битвы Вальтера против четверых противников была в оригинале описана подробнее, чем предшествующие, и автор заимствовал эти необычные выражения из оригинала? Пожалуй, что да. Отсутствие же такого рода выражений в финальной битве можно объяснить большей опорой автора на Пруденция (см. 3-ю главу).

²⁰⁴ См. примечание Штрекера к этому стиху со ссылкой на «Круг земной»

²⁰⁵ На самом деле выражение, видимо, заимствовано из Aen.9.664 (приводит Штрекер), где речь идёт буквально о башнях, но автор использует его для щита – возможно, думая о германских кеннингах. В античной поэзии схожего употребления мы не находим. В качестве примера кеннинга, образованного от стены, см., к примеру, др.исл. «veggja-lús» - «вошь стен», болото.

lobeliche recke». В то время как мы, в самом деле, не находим такого словосочетания в античной поэзии, хотя и нельзя, конечно, исключать возможности, что автор мог его составить самостоятельно или опираясь на что-то схожее, например, метрически идентичное и также стоящее в конце стиха «laudabilis uxor» (Ov.Pont.2.11.13), бросается в глаза частое употребление словосочетания «der lobeliche recke» в средневерхненемецкой поэзии, см. «Герцог Эрнст», ст.4366, «Песнь о Нибелунгах» (A), стр.4, стр.1837, «Плач» («Die Klage»), ст.1968 и многие другие примеры²⁰⁶. Ещё больше обращает на себя внимание второе выражение, буквально означающее «дарует жизнь и конечности», которое звучит само по себе весьма странно, и в латинской поэзии мы схожих конструкций не находим, однако в средневерхненемецкой поэзии у него есть крайне распространённые аналоги: «lîp unde lëben» (например, «Dietrichs Flucht», 2231, «Смерть Альфарта», 48,2) и «lëben unde lîp» (например, «Dietrichs Flucht», 2078)²⁰⁷. Употребление «artus» во множественном числе в общем значении «тела» обычно для средневековой латыни²⁰⁸; кроме того, схожее употребление можно найти в Aen.9.490. Конечно, эти сопоставления были бы убедительнее, если бы было возможно привести аналогичные выражения в более ранней поэзии, на древневерхненемецком языке²⁰⁹, но, учитывая крайне скудный объём

²⁰⁶ Больше примеров см. в корпусе «Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank»

²⁰⁷ Упомянутые примеры и больше см. в [Friedrich 2006: 264; 275–276]

²⁰⁸ См. Mittellateinischen Wörterbuch, 1.1004:34

²⁰⁹ Необходимо также отметить: всё, что было написано о «lëben unde lîp» и «lîp unde lëben», предполагает более позднюю датировку поэмы, поскольку использование субстантивированного «lëben» встречается лишь в позднем древневерхненемецком языке, см. статью «leben» в [Pfeifer et al. 1993]. [Grimm 1838: 99], обсуждая возможные следы аллитерационной поэмы, предполагает, что за «vitam et artus» стоит двн. «lîp inti lidi» («жизнь и конечности»), но это выражение также в древневерхненемецком корпусе (см. корпус TITUS) не встречается. Предположение Гримма поддерживает [Ziolkowski 2001: 35], приводя в качестве аналогии совр. англ. «life and limb». Эта аналогия выглядит убедительнее, если обратиться к более ранним стадиям английского языка: в самом деле, примеры схожих употреблений есть уже в древнеанглийском (см. «life», P10, C в OED). Как кажется, искать параллели в чуть более поздней стадии немецкого всё же разумнее, чем в другом, хоть и близкородственном языке. Так или иначе, германское происхождение этого туманного «vitam et artus» выглядит очень вероятным.

дошедшей до нас поэзии, написанной в тот период, не удивительно, что мы не можем этого сделать.

Латынь. Уже [Grimm, Schmeller 1838: 67–68] указывают на ряд встречающихся в поэме слов и языковых черт, связанных с архаичной латынью, среди них: «*olli*» (742) и «*ollis*» (1194) вместо «*illi*» и «*illis*», «*homonem*» (578) вместо «*hominem*» и др. К этому нужно добавить «*sanguem*» (952), «*iteri*»²¹⁰ (331), *faxo*²¹¹ (1279), «*magnanimum*» вместо «*magnanimorum*» (1414) и окончание «*-ier*» для медиопассивного инфинитива (12; 311)²¹². Автор, однако, не имитирует последовательно стиль античных авторов и архаичные формы смешивает с германизмами («*nappa*», 308; «*wantus*», 1426²¹³) и позднелатинской лексикой, например, «*cupisco*» (854).

Мифологические/религиозные образы. Автор «Вальтария» нередко обращается к мифологическим/религиозным образам из античной культуры. В ст.526 смерть обозначается фразой «*Tartara videre*» (из Aen.6.134f – Штрекер). В ст.763 Экиврид называет Вальтария фавном (см. далее «Этимология»), в ст.850 автор заимствует из «Энеиды» (10.814f – Штрекер) метафору прядущих Парок, в ст.867 ад называется печью Эреба («*Erebi fornax*»). В ст.1040 упоминаются маны («*Nec manes ridere videns...*») – Альтхоф считает, что здесь подразумеваются средневековые представления о духах; мы же, учитывая многочисленные использования автором мифологических образов в метафорическом значении (см. следующий параграф), больше склонны видеть в «неулыбающихся манах» метафору со значением вроде «*fortuna abit*»²¹⁴ (Hor.ars.201) - «удача уходит».

Персонификации. Автор много обращается к персонификациям, в том числе и с использованием мифологических образов – он персонифицирует

²¹⁰ «*Sanguem*» и «*iteri*» обсуждает в комментарии [Beck 1908].

²¹¹ FriezeDennisonVergil: old fut. perf.

²¹² Об архаичном «*-um*» вместо «*-orum*» и «*-ier*» см. [Тронский 2001: 157; 261].

²¹³ См. комментарии Бэка к этим стихам.

²¹⁴ Это и схожие по значению выражения со словом «*fortuna*» см. в TLL, 1182, 49ff.

молву²¹⁵ (ст.17, «fama volans»), солнце (ст.277, 348, 1130, «Phoebus»), вино (301, «Bachus»), пьянство (315, «ebrietas fervens... dominatur»²¹⁶), красноречие (316, «balbutit... facundia»²¹⁷), Франкию (442), битву (731, «Mars»), Вогезы (823, «stupuit Vosegus»²¹⁸), смерть (199, «praesentem... cernere mortem»²¹⁹); 849-850, «aspice mortem, // qualiter arridet!»²²⁰); 913, «Orcus»²²¹), рассвет (1188-1189, «Lucifer... dicens»²²²), удачу (1235, «Fortunam mercede vocasti»²²³). Для большей части из этих персонификаций есть многочисленные античные поэтические образцы: солнце см. в «LewisShort», «Phoebus», I, «Bachus» как вино – например, в Aen.1.215; в Bell.Civ.1.21. см. персонификацию Рима; «Марс» как битва – например, Aen.2.335; олицетворение местности – Aen.12.645, смерти – Aen.11.197 (Mors); Aen.4.242 (Orcus), рассвета – Aen.4.584-585 (Auroga), удачи – 3.53. Хотя для Вергилия многие из этих персонификаций были также божествами, автор «Вальтария» их, конечно, использует исключительно в метафорическом, закреплённом античным поэтическим употреблением, значении. При учёте существования прямых античных параллелей попытки германистов истолковать «мифологические персонификации» как переводы имён германских божеств (как, к примеру, делает Альтхоф, видя за «Fortuna» «Frau Sâlda») кажутся излишними.

Сравнения. Вальтарий дважды сравнивается с волкодавом (Icisca): Аттилой, говорящим о его бегстве (404), и Гунтарием, говорящим о том, как

²¹⁵ Альтхоф в комментарии указывает на примеры схожего олицетворения в «Песни о Нибелунгах» и более поздней немецкой поэзии, но на фоне множества примеров у одного только Вергилия (Aen.4.173ff, 4.666, 7.104ff, 8.554) это кажется излишним.

²¹⁶ «Пылающее пьянство... царит»

²¹⁷ «Запинается... красноречие»

²¹⁸ «Удивились Вогезы»

²¹⁹ «присутствующую... увидеть смерть».

²²⁰ «Посмотри на смерть, как она смеётся!»

²²¹ «Silvestrique ferae corpus, animam dedit Orco» («И тело лесному зверю, а душу Орку отдал) - мы не можем здесь не обратить внимание на II.Lat.3-5: «animas... tradidit Orco // Latrantumque dedit rostris volucrumque trahendos // ... artus.»: «души... передал Орку, а в пасти собак и птиц отдал, чтобы утащили, ... конечности». В «Вальтарии», правда, душу и тело отдаёт сам умирающий Патаврид, а не его убийца, но сходство идеи налицо.

²²² «Люцифер... говоря»

²²³ «Ты наградой призвал Удачу».

тот укрывался в пещере (1231). Альтхоф, комментируя 404, указывает на несколько средневерхненемецких ругательств, использующих слово «собака» (schebiger hunt, ungetriwer hunt, valscher hunt). Мы, конечно, можем предположить, что автор здесь опирается на сравнение такого рода, взятое из источника (тем более, что из него с большой вероятностью взяты соседние стихи о щедрой награде, см. «Аттила»), но это не обязательно, так как в уничижительном сравнении с собакой, конечно, нет ничего специфически германского²²⁴. Интересен выбор именно слова «licisca». В обоих случаях Штрекер отсылает к Вергилию, Ecl.3,18²²⁵, где речь идёт о краже козла, в то время как лает собака. Параллелью здесь является исключительно слово «licisca/lycisca» в конце стиха. Оба случая в «Вальтарии» контекстуально не имеют ничего общего с этим местом, но можно предположить, что автору пришёл на ум этот стих в «Буколиках», когда он думал, как закончить 404, где сравнение с собакой никак метафорически не обыграно²²⁶ и могло бы быть заменено на что угодно, а в 1231 он уже, вероятно, вспомнив про прежнее сравнение Вальтария с этим животным, решил его повторить и расширить: «de more liciscae // Dentibus infrendens rabidis latrare solebas» («словно волкодав ты, скрипя бешеными зубами, имел обыкновение лаять»). Другое сравнение – с нумидийским медведем (1337–1342), отбивающимся от боящихся подойти гончих. Идея сравнения с медведем, «царём немецкого леса», по-видимому, имеет германское происхождение (см. выше «Вещий сон»), само же сравнение, вводимое словами «haud aliter», подражает традиционным для античного эпоса развёрнутым сравнениям²²⁷ – особенно оно схоже, действительно, с приводимым Штрекером местом в Aen.10.707ff, где описывается вепрь, к которому боятся подойти нападающие. Именно нумидийским медведь является, видимо, благодаря Солину (см.

²²⁴ Латиноязычные примеры с «canis» см. в TLL (Thesaurus Linguae Latinae), 258, 21ff

²²⁵ «...excipere insidiis, multum latrante Lycisca?»

²²⁶ «o si quis mihi Waltharium fugientem // Afferat evinctum ceu nequam forte liciscam!» - «о, вот бы кто привёл ко мне побеждённого Вальтария, словно, может, дрянного волкодава!»

²²⁷ Помимо места с вепрем см. также, к примеру, Aen.9.59-65.

[Zwierlein 1970: 172–173]). В ст.790-792 Хадаварт, говоря об «обманах» (*doli, fraudes*) Вальтария, сравнивает его со змеем, что наверняка восходит непосредственно к Книге Бытия, но, возможно, формально связано со стихом *Prud.Apoth.406*, заканчивающимся на «*callide serpens*», метрически аналогичному «*conscie serpens*» в конце стиха *Walth.790*. Для «*versute dolis*» в этом же стихе Штрекер приводит в качестве параллели «*sum versuta dolis*» в 34-й загадке Симфозия, что выглядит вероятным, хотя ответ на загадку – «лиса». В ст.992 летящий трезубец²²⁸ сравнивается с летящими змеями, которые упоминаются у Лукана в 9.720, но о которых автор, вероятно, прочитал в «Этимологиях» Исидора – см. обсуждение стиха у Штрекера. Сравнение копья со змеей, однако, особенно характерно для германского поэтического языка, что отмечает в комментарии Альтхоф.

В ст.188-189 автор сравнивает полёт множества стрел со снежной бурей – это сравнение выполнено в типичном для античного эпоса стиле (*ac veluti... haud aliter*) природного сравнения, однако в античной поэзии мы не находим сравнений стрел со снегом, хотя сравнения со снегом встречаются в других контекстах, ср. *Bell.Civ.9.781-782*. Альтхоф утверждает, что сравнение полёта стрел со снегом часто встречается в немецком эпосе, но не приводит примеров.

В ст.333 одетый в броню Вальтарий сравнивается с великаном («*more gigantis*») – нельзя ответить с уверенностью, представлял себе автор гигантов из греческой мифологии (др.греч. γίγαντες, лат. *gigantes*) или германских великанов (др.исл. «*jötunn*», др.англ. «*eótenas*»), но предание великанских черт героям крайне характерно именно для античных эпосов и восходит ещё к Гомеру, ср у Вергилия. *Aen.1.99-100* (*ingens // Sarpedon*), 6.413 («*ingentem Aenean*»), .12.927 (*ingens... Turnus*) и др. Ещё одно примечательное сравнение, применяемое для Вальтария – с дубом (1000-1001), абсолютно точно взятое из *Georg.2.291ff* и применяемое, кроме того, самим Вергилием для описания

²²⁸ Как объясняет Альтхоф, под «*tridens*» можно понимать определённый тип копья, использовавшийся в средневековье на севере.

стойкости Энея в Aen.4.445ff (эти места приводит Штрекер) – хотя место в «Георгиках» чуть больше лексически соответствует стихам в «Вальтарии», автор, показывая в ст.1000-1001 силу Вальтария, наверняка имел в виду именно место в «Энеиде»,

Числа. В «Вальтарии» фигурируют традиционные для германского эпоса числа, в первую очередь – 12 как количество спутников: столько воинов сопровождает Гунтария, и столько же имеют Беовульф, Дитрих, Рюдегер, Данкварт и многие другие герои, см. комментарий Альтхофа к ст. 475. Помимо приводимых Альтхофом примеров вспоминается ещё стр.2 в «Младшей песни о Хильдебранде»: «Ja, rittest du selbzwölfte, von im wurdest angerant.» («Даже если бы ты сам поскакал двенадцатым, он бы напал на тебя»). Другое часто встречающееся в поэзии на германских языках число – 30; столько лет правит Вальтарий после смерти (ст. 1449-1450), 30 – число лет странствий Хильдебранда («Песнь о Хильдебранде», ст. 50: «sumaro enti wintro sehstic» - «шестьдесят лет и зим»), 30 воинов похищает Грендель («Беовульф», ст. 123), 30 гуннов нападают на Гуннара и Хёгни в «Гренландских речах Атли» (стр.54), 30 мастериц шьют наряды Гунтеру и его спутникам для путешествия в Исландию («Песнь о Нибелунгах», стр.361) и т.д. От античной же поэзии «Вальтарий» унаследовал составные числительные, ср. «quater denos» - «четырежды десять» (428), «ter denis... annis» - «трижды десять лет» (1450) и Aen.1.382: «bis denis... navibus» («на дважды десяти... кораблях»), Ov. Met. 7.293²²⁹: «quater denos... annos» («четырежды десять... лет»).

Этимология. В ст. 1351 и в ст. 1421 автор играет с этимологией имени Хаганона, называя его «paliurus»²³⁰ («колючий кустарник») и «Hagano spinosus» («колючий Хаганон») - очевидно, возводя его имя к двн. «hagan», которое, действительно, в нескольких древневерхненемецких глоссах

²²⁹ По [Magnus 1892].

²³⁰ Указание на связь с немецким языком и варианты настоящей этимологии смотри в комментарии Альтхофа к 1351.

используется для перевода лат. «*paliurus*»²³¹. Кроме того, вероятно, что шутка Экиврида в ст. 763 о том, что Вальтарий похож на фавна, основана на сходстве его имени с двн. «*Walt-hêro*» («хозяин леса»)²³². Распространённое и высказанное ещё Якобом Гриммом предположение, что в ст.555 за словами «*Franci nebulones*» («негодяи франки») скрывается указание на Нибелунгов, нам представляется сомнительным²³³. Хотя все указанные игры слов и построены на материале немецкого языка, применение этимологии характерно как раз для античной, особенно позднеантичной, поэзии (см. [Curtius 2013: 498]), что также сближает «Вальтария» именно с этой традицией, несмотря на присутствие здесь германского элемента.

²³¹ См. [Seebold 2008: 377–378].

²³² См. подробнее об этом месте [Morgan 1972].

²³³ Против версии о Нибелунгах см. весьма интересное наблюдение [Schröder 1937] о том, что здесь может иметь место пародия на «*Franci nobiles*», самоназвание рейнских франков в каролингское время.

Заключение

Повторим и подытожим сделанные в пяти главах наблюдения. В первой главе мы установили, что «Вальтарий» сохраняет структуру и главные черты германской героической песни, а влияние античных образцов на него может быть сведено к внешним формальным аспектам. Центральные факты сюжета автор, похоже, сохраняет, лишь отчасти внося новшество в концовку, но нет оснований полагать, что это изменение было вдохновлено античной литературой. Во втором разделе мы указали на значительные сходства между персонажами «Вальтария» и их аналогами в героической поэзии на германских языках, а также в средневековой скандинавской прозе, из чего мы делаем вывод, что автор наследует эти образы из германской традиции – коренной переработке подвергся только персонаж Хильтигунды. Мы обнаруживаем существенные параллели с персонажами античных эпосов: в персонаже Вальтария можно усмотреть черты Энея и Гектора, Гунтарий во многом схож с Цезарем в «Фарсалии», образ Хаганона мог быть отчасти вдохновлён образом Ахилла в «Латинской Илиаде», а Аттила обнаруживает сходство с Дидоной, а также немного – с царём Латинном. Рассмотрение битв и снаряжения в третьем разделе приводит нас к выводу, что в этих аспектах поэмы автор больше, чем во всём остальном, полагается на античную литературу, однако и здесь местами прослеживаются черты, которые следует скорее связывать с германской традицией – при этом аллюзионная ценность заимствований в боевых сценах минимальна в сравнении с другими частями поэмы; характерно, что при описании вооружения героев автор в большей степени опирается на античные образцы, чем на германскую традицию или германские реалии, однако те немногие германские элементы снаряжения, что присутствуют в поэме, оказываются крайне значимы для её сюжетной составляющей. Анализ мотивов, сцен, тем и поэтического языка в четвёртой и пятой главах показывает значительное присутствие как германских элементов, так и античных, при этом в тех аспектах, что касаются сюжета, более

значимую роль играет германская традиция, тогда как влияние античных образцов намного чаще прослеживается в формальных особенностях.

То же самое можно сказать обо всей поэме в целом. Хотя античная эпическая поэзия, похоже, повлияла отчасти на образы персонажей и отдельные сцены, это влияние скорее служит для развития того, что уже было заложено в поэме германской традицией, чем для коренной переработки. При этом бóльшая часть формальных аспектов поэмы имеет происхождение именно в античной традиции, и лишь немногие специфические места и выражения выдают германские корни поэмы.

Настоящая работа не только отвечает на поставленный исследовательский вопрос, но также отчасти является комментарием к наиболее значимым аспектам влияния германской традиции и античных поэтических образцов на поэму. Дальнейшим шагом в этом направлении может стать написание полноценного большого комментария к «Вальтарию».

Список использованной литературы

Источники

1. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. / Вступ. ст. А. Гуревича. Перевод В. Тихомирова, А. Корсуна, Ю. Корнеева. Примечания О. Смирницкой, М. Стеблин-Каменского, А. Гуревича. М.: Художественная литература, 1975.
2. Вергилий П. М. Энеида. // Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. / Перевод С. Ошерова под редакцией Ф. Петровского; коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. – М.: Художественная литература, 1979. С.137-402.
3. Геральд. Вальтарий. // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. / ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров, пер. М. Е. Грабарь-Пассек, вступ. ст. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1970. С.382-401.
4. Лукан М. А. Фарсалия, или поэма о гражданской войне. / Перевод с латинского Л. Е. Остроумова. Редакция, статья и комментарии Ф. А. Петровского. М.: Научно-изд. центр. «Ладомир», Наука, 1993. Репринтное воспроизведение текста издания 1951 г.
5. Макробий Ф. Сатурналии. / пер. с лат. и древнегреч. В. Т. Звиревича, общ. ред., составление, вступит. статья М. С. Петровой, прим. и указ. М. С. Петровой, В. Т. Звиревича. М.: Кругъ, 2013.
6. Сага о Волсунгах. // Корни Иггдрасиля. / Перевод Б. Ярхо. Сост. О. А. Смирницкая. М.: Терра, 1997. С.177-257.
7. Beowulf. Online Fourth Edition. / ed. Kiernan K. progr. Iacob I. E. 2015. N. pag.
URL: <http://ebeowulf.uky.edu/ebeo4.0/CD/main.html> (date of access 23.05.2021).
8. Das Hildebrandslied. // Althochdeutsche Literatur. / ed. Schlosser H. D. Frankfurt am Main: Fischer, 1970. pp.264-265.
9. Der Nibelunge Nôt: mit den Abweichungen von der Nibelunge Liet, den Lesarten sämmtlicher Handschriften und einem Wörterbuche. Theil 1: Text. ed. Bartsch K. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1870.
10. Die Gedichte Walthers von der Vogelweide. / eds. Hermann Paul and Albert Leitzmann. Halle (Saale): Max Niemeyer Verlag, 1950.
11. Edda. On the basis of the edition Edda, Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern, hrsg. v. Gustav Neckel, I. Text, 5., umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn, Heidelberg: Carl Winter 1983. / prep. Stifter D. and Pallson S. H. corr. Ducci F. 2008. N. pag.
URL: <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/anord/edda/edda.htm> (date of access: 14.05.2021)
12. Hervarar Saga ok Heiðreks. / Ed. Turville-Petre G. Exeter: Short Run Press Limited, 2014.
13. Jüngerer Hildebrandslied. // Das deutsche Volkslied. Bd. I: Balladen. / ed. John Meier. Leipzig: Reclam, 1935. pp.35-38.

14. Learned M. D. The Saga of Walther of Aquitaine. Baltimore: Mod. Lang. association of America, 1892.
15. Lucanus M. A. Bellum Civile. N. pag.
URL:
http://monumenta.ch/latein/verzeichnis4.php?tabelle=Lucanus&xy=Lucanus,%20Bellum%20civile&level=3&nummer=&apparat=&step=&domain=&lang=0&inframe=1&hide_apparatus=1 (date of access: 14.05.2021)
16. Ovid P. O. Metamorphoses. / ed. Hugo Magnus. Gotha: Friedr. Andr. Perthes. 1892.
17. Ovid P. O. Tristia. Ex ponto. / transl. Wheeler A. L. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD, 1939.
18. Prudentius A. C. Prudentius, Vol 1. / transl. H. J. Thomson. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD. 1949.
19. Statius P. P. Statius, Vol I-II. / transl. John Henry Mozley. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1928.
20. The Latin Iliad. / ed. and transl. Kennedy G. A. Fort Collins, 1998.
21. Virgil P. M. T. I. Eclogues. Georgics. Aeneid I—VI. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD, 1938.
22. Virgil P. M. T. II. Aeneid VII-XII. The Minor Poems. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press; London: William Heinemann LTD. 1950.
23. Waldere. / ed. Norman F. London: Methuen, 1949.
24. Waltharius. / ed. Rubén Florio. Madrid and Bellaterra : Universitat Autònoma de Barcelona. Servei de Publicacions, 2002.
25. Waltharius. // Monumenta Germaniae Historica. Poetae Latini. / ed., intr. and comment. Strecker K. Vol. 6, no. 1. Weimar: Thüringer Volksverlag, 1951. pp. 1-85.
URL: [https://www.dmgh.de/mgh_poetae_6_1/index.htm#page/\(I\)/mode/1up](https://www.dmgh.de/mgh_poetae_6_1/index.htm#page/(I)/mode/1up) (date of access 26.05.2021).
26. Þiðriks saga af Bern. I. / ed. Bertelsen H. København: S. L. Møllers bogtrykkeri, 1905-1911.
27. Þiðriks saga af Bern. II. / ed. Bertelsen H. København: S. L. Møllers bogtrykkeri, 1908-1911.

Научная литература

28. Боура С. М. Героическая поэзия. / Пер. с английского и вступ. статья Н. П. Гринцера, и. В. Ершовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2002.

29. Гаспаров М. Л. Каролингское возрождение (VIII–IX вв.). // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX веков. / ред. М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1970. С.221-242.
30. Мелетинский Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968.
31. Хойслер А. Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах. / пер. Д. Е. Бертельса, ред. В. М. Жирмунского и Н. А. Сигал, вступ. ст. В. М. Жирмунского. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.
32. Ahl F. M. "The Shadows of a Divine Presence in the Pharsalia." *Hermes* 102.4 (1974): 566-590.
33. Althof H. *Das Waltharilied: Ein Heldensang aus dem zehnten Jahrhundert im Versmaße der Urschrift. Übers. und erläut. von Prof. Dr. Hermann Althof.* Leipzig: G. J. Göschen'sche Verlagshandlung, 1911.
34. Beck J. W. *Ekkehard's Waltharius. Ein Kommentar.* Groningen: P. Noordhoff, 1908.
35. Beckmann G. A. *Gualther del Hum – Gaiferos – Waltharius.* Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2010.
36. Betz W. „Die Doppelzeichnung des Gunther im Waltharius und die deutsche Vorlage.“ *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 73.1 (1951). pp. 468-470.
37. Brinkmann H. „Ekkehard's Waltharius als Kunstwerk.“ *Studien zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*, II. Ed. H. Brinkmann. Düsseldorf: Verlag Schwann. 1966. pp.137-50.
38. Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages.* / trans. Willard R. Trask, intr. Colin Burrow. Princeton: Princeton University Press, 2013.
39. Conte, B. G. *The Poetry of Pathos. Studies in Virgilian Epic.* New York: Oxford University Press, 2007.
40. Desmond M. "Homer and the Latin West in the Middle Ages." *The Cambridge Guide to Homer.* Ed. Corinne Ondine Pache. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. pp. 435-443.
41. de Vries J. *Altgermanische Religionsgeschichte. Band II: die Götter – Vorstellungen über den Kosmos – der Untergang des Heidentums.* Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1970.
42. de Vries J. *Altnordische Literaturgeschichte.* Berlin and New York: Walter de Gruyter, 1999.
43. Ebeling-Koning B. T. *Style and Structure in Ekkehard's Waltharius.* PhD dissertation. Columbia University, 1977.
44. Edwards R. R. "Medieval Statius: Belatedness and Authority." *Brill's companion to Statius.* Eds. W. J. Dominik, C. E. Newlands, and K. Gervais. Leiden and Boston: Brill, 2015.
45. Farron S. "The "furor" and "violentia" of Aeneas." *Acta Classica* 20 (1977). pp.204-208.
46. Flatt T. "The Book of Friends: Hagen and Heroic Traditions in the Waltharius". *The Journal of English and Germanic Philology* 115.4 (2016).

47. Geyder A. „Anmerkungen zum Waltharius.“ *Zeitschrift für deutsches Alterthum* 9 (1853). pp. 145-166.
48. Gibbs M. E., Johnson M. S. *Medieval German Literature*. New York and London: Routledge, 2000.
49. Grimm J. *Deutsche Mythologie*. Göttingen: Dieterichsche Buchhandlung, 1854.
50. Grimm J., Schmeller A. *Lateinische Gedichte des X. und XI. Jh.* Göttingen: Verlag der Dieterichschen Buchhandlung, 1838.
51. Heinzel R. „Über die Walthersage.“ *Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften* 117.2 (1889). pp. 1-100.
52. Heinzele J. *Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik*. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 1999.
53. Hexter R. „Ovid in the Middle Ages: Exile, Mythographer, Lover.“ *Brill's Companion to Ovid*. Ed. Barbara Weiden Boyd. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2001. pp.413-442.
54. Hollander L. M. „Hagen der Tronegære.“ *Neophilologus* 53 (1969). pp. 398–402.
55. Händl C. „Il Waltharius – un poema eroico germanico in lingua latina?“ *Il ruolo delle lingue e delle letterature germaniche nella formazione dell'Europa meridionale*. Ed. Dagmar Gottschall. Lecce: Milella, 2018. pp.119-131.
56. Kail J. „Über die parallelstellen in der angelsächsischen poesie.“ *Anglia: Zeitschr. für engl. Philologie* 12.1 (1889). pp. 21-40.
57. Katscher R. „Waltharius – Dichtung und Dichter.“ *Mittellateinisches Jahrbuch* 9 (1973). pp.48-120.
58. Klein T. „Vorzeitsage und Heldensage.“ *Heldensage und Heldendichtung im Germanischen*. ed. Heinrich Beck. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 1988. pp. 115-148.
59. Krappe A. H. „The Legend of Walther and Hildegund.“ *The Journal of English and Germanic Philology* 22.1 (1923). pp.75-88.
60. Kroes H. W. J. „Die Walthersage.“ *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 77 (1955). pp.77-88.
61. Latacz J. „Fragen an Homers Achilles.“ *Philologia Classica* 13.1 (2018), 9–25.
62. Magoun Fr. P. Jr. „The Theme of the Beasts of Battle in Anglo-Saxon Poetry.“ *Neuphilologische Mitteilungen* 56.2 (1955). pp. 81-90.
63. Meyer W. „Der dichter des Waltharius.“ *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 43 (1899). pp.113-145.
64. Morgan G. „Walther the Wood-Sprite.“ *Medium Ævum* 41.1 (1972). pp.16-19.
65. Muecke F. „Silius Italicus in the Italian Renaissance.“ *Brill's companion to Silius Italicus*. Ed. Antony Augoustakis. Leiden and Boston: Brill, 2010. pp.401-424.

66. Murdoch B. *The Germanic Hero: Politics and Pragmatism in Early Medieval Poetry*. London and Rio Grande: Bloomsbury Publishing Plc, 2003.
67. Neckel G. "Das Gedicht von Waltharius manu fortis". *Germanisch-romanische Monatenschrift* 9 (1921). pp. 139-149; 209-221; 277-288.
68. Panzer F. *Der Kampf am Wasichenstein: Waltharius-Studien*. Speyer: Verlag Historisches Museum der Pfalz, 1948.
69. Seewald M. *Studien zum 9. Buch von Lucans Bellum Civile. Mit einem Kommentar zu den Versen 1–733*. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2008.
70. Schieffer R. "Silius Italicus in St. Gallen. Ein Hinweis zur Lokalisierung des „Waltharius“". *Mittellateinisches Jahrbuch* 10 (1975). pp.7-19.
71. Schmidt P. "Gemitus renovatus: Aspects of Lucan's Bellum Civile in the Waltharius." *NEO – The Classical Students' Journal* 1 (2017). pp.64-77.
72. Schröder E. „Franci nebulones“ *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 74.1 (1937). p.80.
73. Schwab U. „Heroische Maximen, homiletische Lehren und gelehrte Reminiszenzen in einigen Stücken christlicher Heldenepik, besonders in England.“ *Heldensage und Heldendichtung im Germanischen*. ed. Heinrich Beck. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 1988. pp. 213-244.
74. Schwab U. „Nochmals zum ags. 'Waldere' neben dem 'Waltharius'." *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 101.2 (1979a). pp. 229 – 251.
75. Schwab U. „Nochmals zum ags. 'Waldere' neben dem 'Waltharius' (Fortsetzung).“ *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur* 101.3 (1979b). pp. 347-368.
76. Schweitzer C. *De poemate Latino Walthario*. PhD thesis. The University of Paris, 1889.
77. Simmons L. „Waltharius en de Walthersage.“ *Leuvensche Bijdragen* 11.1-2 (1913-1914). pp. 1-111; 149-246.
78. Stach W. „Gerals Waltharius: Das erste Heldenepos der Deutschen.“ *Historische Zeitschrift* 168.1 (1943). pp.57-81.
79. Strecker K. „Ekkehard und Vergil.“ *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur* 42 (1898). pp. 339 – 365.
80. Strecker K. „Probleme in der Walthariusforschung.“ *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum* 3 (1899). pp.573-594, 629-645.
81. Uecker H. *Germanische Heldensage*. Stuttgart: Springer-Verlag, 1972.
82. Weber G. *Das Nibelungenlied: Problem und Idee*. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1963.
83. Wilmotte M. „La patrie du Waltharius.“ *Revue Historique* 127.1 (1918). pp.1-30.
84. Zierer A. „Entre a antigüidade e o medievo: os elementos do herói no *Waltharius*.“ *Phoênix* 13.1 (2007). pp.13-31.
85. Ziolkowski J. M. "Fighting Words: Wordplay and Swordplay in the Waltharius". *Germanic texts and Latin models: medieval reconstructions*, ed.

- K.E. Olsen, A. Harbus and T. Hofstra. Leuven, Paris, Sterling, VA: Peeters, 2001, pp. 29-51.
86. Ziolkowski J. M. "Of Arms and the (Ger)man: Literary and Material Culture in the Waltharius." *The Long Morning of Medieval Europe: New Directions in Early Medieval Studies*. Ed. Jennifer R. Davis and Michael McCormick. Aldershot: Ashgate, 2008. pp.193-208.
87. Zwielerlein O. „Das Waltharius-Epos und seine lateinischen Vorbilder.“ *Antike und Abendland* 16 (1970). pp.153-184.
88. Önnarfors A. „Bemerkungen zum "Waltharius-Epos".“ *Latomus* 51.3 (1992). pp.633-651
89. Önnarfors A. *Die Verfasserschaft des Waltharius-Epos aus sprachlicher Sicht*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1979.

Неопубликованная научная литература

90. Тихонов Р. А. Сцены битв в германском эпосе: лексико-синтаксический анализ. Курсовая работа. СПб: НИУ ВШЭ, 2019.

Справочная литература

91. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). М.: Индрик, 2001.
92. Bosworth J. *An Anglo-Saxon Dictionary*. / suppl. by Toller T. N. Reprint, London: Lowe & Brydone, Printers. 1955.
93. Cleasby R., Vigfusson G. *An Icelandic-English Dictionary*. Oxford: Clarendon Press. 1874.
94. Diefenbach L. *Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache*. Frankfurt am Main: Verlag von Joseph Baer. 1851.
95. Forcellinus Æ. *Totius Latinitatis Lexicon, volumen secundum*. / ed. Jacobus Facciolati and Jacobus Bailey A. M. London: Baldwin et Cradock and Gulielmus Pickering. 1828.
96. Friedrich J. *Phraseologisches Wörterbuch des Mittelhochdeutschen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006.
97. Frieze H. S. *Vergil's Aeneid Books I-XII, with an Introduction, Notes, and Vocabulary*, revised by Walter Dennison. New York: American Book Co. 1902.
98. Gaffiot 2016. N. pag.
URL: <http://gerardgreco.free.fr/spip.php?article43&lang=fr> (date of access: 23.05.2021)

99. Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990.
100. Lexer M. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. 38. Auflage mit den Nachträgen von Ulrich Pretzel. Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 1992.
101. Lewis T. H., Short C. A Latin Dictionary, Founded on Andrews' edition of Freund's Latin dictionary revised, enlarged, and in great part rewritten by Charlton T. Lewis, Ph.D. and Charles Short, LL.D. Oxford: Clarendon Press, 1879.
102. Mittelhochdeutsche Begriffsdatenbank. Universität Salzburg, 2006.
URL: <http://mhdbdb.sbg.ac.at/mhdbdb/App?action=TextQueryModule&clearButton=> (date of access: 21.05.2021)
103. Mittellateinisches Wörterbuch. Bayerische Akademie der Wissenschaften, 2019.
URL: <https://mlw.badw.de/mlw-digital/mlw-open-access.html> (date of access: 21.05.2021)
104. Oxford English Dictionary (OED).
URL: <https://www.oed.com> (date of access: 25.05.2021).
105. Pfeifer W. et al. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen (1993), digitalisierte und von Wolfgang Pfeifer überarbeitete Version im Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache.
URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (date of access: 25.05.2021).
106. Reichert H. Nibelungenlied-Lehrwerk. Sprachlicher Kommentar, mittelhochdeutsche Grammatik, Wörterbuch. Passend zum Text der St. Galler Fassung („B“). Wien: Praesens Verlag, 2007.
107. Seebold E. Chronologisches Wörterbuch des deutschen Wortschatzes. Zweiter Band: Der Wortschatz des 9. Jahrhunderts. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2008.
108. Sonderegger S. Althochdeutsche Sprache und Literatur. Eine Einführung in das älteste Deutsch. Darstellung und Grammatik. Berlin and New York: Walter de Gruyter, 2003.
109. Thesaurus Indogermanischer Text- und Sprachmaterialien (TITUS). Database Query Form.
URL: <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/database/titusinx/titusinx.htm> (date of access: 25.05.2021).
110. Thesaurus Linguae Latinae (TLL). Bayerische Akademie der Wissenschaften.
URL: <https://thesaurus.badw.de/tll-digital/tll-open-access.html> (date of access: 21.05.2021)
111. von See K. Germanische Verskunst. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1967.
112. Woordenboek Latijn/Nederlands. La/Ne. Amsterdam University Press.
URL: <https://www.latijnnederlands.nl/> (date of access: 23.05.2021)